

И.С. Мургенев

и

РУССКИЙ МИР

Материалы международной
конференции к 200-летию писателя,
29–31 октября 2018 г.

Москва
2018

УДК 371
ББК 60.8.74.66

*Материалы конференции публикуются в авторской редакции.
Редакционная коллегия не несет ответственности за содержание,
полноту и актуальность статей.*

Редакционная коллегия: Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Материалы Международной конференции «И. С. Тургенев и русский мир», 29–31 октября 2018 г., ИРЛИ РАН / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. – 124 с.

ISBN 978-5-00095-645-8

В сборник вошли материалы международной конференции «И. С. Тургенев и русский мир», посвященной 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева, состоявшейся 29–31 октября 2018 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

УДК 371
ББК 60.8.74.66

ISBN 978-5-00095-645-8

© ИРЛИ РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Оформление. ИПО «У Никитских
ворот», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

В. Д. Алташина

Сказки Ш. Перро в переводе И. С. Тургенева:
двойная ошибка..... 8

А. Н. Антонова

К. В. Лебедев – иллюстратор «Записок охотника»
И. С. Тургенева.....10

Е. Н. Ашихмина

«Дворянское гнездо» в Орле:
территория русской литературы11

А. Басу

Лексико-стилистический анализ романа
И. С. Тургенева «Дворянское гнездо».....12

В. Бишицки

«Считаю великим счастьем своей жизни,
что я несколько приблизил свое отечество
к восприятию европейской публикой»:
По поводу новых переводов «Записок охотника» (2018)
и «Первой любви» (2018) на немецкий язык14

Т. Н. Богрданова

«Дворянское гнездо» И. С. Тургенева в классических переводах
Вильяма Рольстона и Констанс Гарнетт.....16

Г.-М. Браунгардт

Мой диалог с Тургеневым. Размышления о работе
над новым немецким переводом «Отцов и детей»17

Н. Ф. Буданова

Оправдание Рудина.....17

Ван Лице

Психологическая функция художественного слова
И. С. Тургенева.....21

И. А. Виноградов

Гоголь и пути русской литературы: восходящее
и нисходящее (Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и др.).....26

И. О. Волков

И. С. Тургенев и романтическая концепция
В. Шекспира (по материалам родовой библиотеки писателя) 29

Н. П. Генералова

Иван Сергеевич Тургенев: Превратности судьбы
и писательской славы 30

В. М. Головки

Роман И. С. Тургенева «Новь»:
формирование художественно-философской концепции
«постепеновства снизу» в контексте рядом
протекающей литературной деятельности писателя 32

А. Г. Гродецкая

Тургеневская проза в критических оценках
Льва Толстого: логика предпочтений 36

С. В. Денисенко

И. С. Тургенев в 1875 году глазами И. А. Гончарова 39

В. А. Доманский

Тургенев и сибирская периодика начала 1880-х годов 40

Н. Г. Жекулин

Две пианистки – два композитора (Моцарт и Бетховен) 44

Н. Г. Жекулин

И. С. Тургенев. Переводы (э-издание) 44

С. Л. Жидкова

Сундучок Варвары Петровны («Опись гардеробу
и сундуку В. П. Тургеневой» как источник для
воссоздания быта в семье писателя в 1840-е годы) 45

Т. В. Иванова

Оппозиция жизнь / смерть в мирозерцании
и творчестве Ивана Тургенева и Георгия Иванова 47

С. А. Ипатова

В Тургеневские дни 1918 года
(по страницам журнала «Бирюч») 50

<i>Ф. Х. Исрапова</i>	
Энигматическая интрига откровения как способ преодоления литературности в повести И. С. Тургенева «Первая любовь»	54
<i>О. Б. Кафанова</i>	
«Русский человек на rendez-vous» с французскими литераторами: И. С. Тургенев на «обедах пяти»	56
<i>Е. А. Козеева, Л. В. Миндыбаева</i>	
Дорога в Спасское-Лутовиново.....	59
<i>Т. М. Кривина</i>	
Роман И. С. Тургенева «Новь» в современном английском переводе	62
<i>О. Н. Кулишкина</i>	
Тема курорта в прозе И. С. Тургенева	64
<i>Ю. В. Лебедев</i>	
Творческий диалог А. Н. Островского с И. С. Тургеневым в 1850-е годы	65
<i>Ли Силу</i>	
Творчество И. С. Тургенева в китайской литературной критике	68
<i>В. А. Лукина</i>	
Торжество «Записок охотника» в 1879 году (Из истории первого стереотипного издания)	71
<i>Лю Си</i>	
Переводческие несоответствия в художественном переводе с русского на китайский язык (на материале переводов романа «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева).....	73
<i>А. М. Любомудров</i>	
Тургенев в русском зарубежье XX века. Неизвестные интерпретации	74
<i>Дж. Маркуччи</i>	
Итальянские мотивы в театре И. С. Тургенева: О переводе Е. Дамиани пьесы «Вечер в Сорренте»	75

<i>Г. Л. Медынцева</i> Концепция юбилейной выставки Литературного музея (ГЛМ) <i>Арабески. – Страницы жизни Ивана Тургенева.</i> К 200-летию со дня рождения	77
<i>Г. В. Мосалева</i> Храмово-литургические символы тургеневской поэтики (на материале «Записок охотника» и «Дворянского гнезда»)	79
<i>В. В. Никульцева</i> Тургеневские аллюзии в творчестве Игоря-Северянина	81
<i>И. В. Овчинкина</i> Рукописная монография С. Н. Шиль «Безверие Тургенева»	82
<i>Л. Н. Полубояринова</i> «Стук... стук... стук!» И. С. Тургенева и «Лейтенант Бурда» Ф. фон Заара: к вопросу о репрезентации иллюзии в реалистическом повествовании	88
<i>Е. В. Полянская</i> Дом-музей И. С. Тургенева как часть исторического и архитектурного комплекса на Остоженке, 37	89
<i>Г. М. Ребель</i> Тургенев и его современники: эстетическое и идеологическое взаимодействие	90
<i>А. В. Романова</i> И. С. Тургенев в Комитете, учрежденном при Дирекции театров для рассмотрения пьес, поступающих от авторов для представления на театре (1856)	92
<i>Н. И. Романова</i> Рецепция творчества И. Тургенева в романе Л. Толстого «Анна Каренина»: по материалам литературной критики	93
<i>Е. А. Самофалова</i> Курская земля в жизни и творчестве И. С. Тургенева	95

<i>В. А. Сомов</i>	
Иван Сергеевич Тургенев и его окружение в письмах Веры Александровны Рубинштейн	97
<i>Е. В. Степанова</i>	
А. Н. Пыпин и И. С. Тургенев (к истории взаимоотношений).....	99
<i>М. Ю. Степина</i>	
Тургенев – адресат стихотворений Некрасова	102
<i>И. Н. Тишина</i>	
Влияние И. С. Тургенева на культуру русского зарубежья XX–XXI веков.....	104
<i>О. Л. Фетисенко</i>	
«...И очи в потолки». Тургенев и Кохановская: взаимооценки.....	106
<i>К. И. Шарафадина</i>	
Проблема лингвокультурной трансляции при переводе этноботанических фитонимов (на материале «Записок охотника»).....	108
<i>В. И. Щербаков</i>	
Писарев – критик Тургенева.....	112
<i>М. И. Щербакова</i>	
Академические традиции в современной исследовательской практике: «И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования».....	115
<i>Сведения об авторах</i>	120

СКАЗКИ Ш. ПЕРРО В ПЕРЕВОДЕ И. С. ТУРГЕНЕВА: ДВОЙНАЯ ОШИБКА

В. Д. Алташина

Читает ли русский читатель сказки Ш. Перро под обложкой с его именем? Нет, не читает. Читает ли русский читатель переводы И. С. Тургенева в тех изданиях, где он указан в качестве переводчика сказок? Нет, не читает. Как и почему это случилось? Обратимся кратко к истории переводов французских сказок.

Впервые сказки Перро были изданы на русском языке в Москве в 1768 году¹. Этот же перевод был переиздан в Санкт-Петербурге в 1781 году. В 1795 году выходит билингва «Повести волшебных с нравоучениями»², а в 1825-м появляется новое полное издание³. Все эти переводы были, быть может, несовершенны с точки зрения стиля (переводчики мучительно искали русские аналоги для названий сказок и имен персонажей), но старательно верны тексту оригинала, кроме того все переводчики сохраняли моралите, которыми завершаются сказки Перро, то переводя их прозой, то стихами.

В 1862 году известный парижский издатель Ж. Этцель (J. Hetzel) выпустил роскошное издание сказок Перро с иллюстрациями Гюстава Доре. Тогда же он предложил Тургеневу перевести сказки на русский язык и написать к ним предисловие, обращенное к русским читателям. Тургенев с удовольствием согласился, пообещав завершить работу к осени 1862 года. Однако и через три года, в

¹ *Перро Ш.* Сказки о волшебницах с нравоучениями. Переведены с французского <Львом Воиновым>. Печатаны при Императорском Московском университете, 1768.

² *Перро Ш.* Повести волшебных с нравоучениями, на российском и французском языках, сочиненные господином Перольтом, для детей = Contes des Fées avec des moralités, par Mr Per<г>rault. М.: в вольной типографии Решетникова, 1795. 2-е изд.: М.: в губернской типографии, у А. Решетникова, 1805.

³ *Перро Ш.* Волшебные сказки, или приятное занятие от нечего делать. Соч. Перольта. Из которых взяты оперы и балеты, представляемые на Императорских Театрах. Перевел с французского Императорского Московского театра актер Баранов. М.: в типографии Августа Семена, 1825.

феврале 1865 года, перевод еще не был готов: русский писатель перевел лишь две сказки – «Синяя борода» и «Волшебница», а восемь остальных, по его просьбе, были переведены Н. В. Щербанем и Н. Н. Рашет. В 1867 году сказки были изданы петербургским книгопродавцем М. О. Вольфом с указанием одного переводчика – знаменитого писателя, имя которого украшало обложку и должно было привлечь читателей.

Несовершенство этих переводов признавал сам классик, отмечая в письмах допущенные погрешности соавторов, но и переводы самого Тургенева нельзя назвать образцовыми. Погрешности и неточности встречаются уже в предисловии, где неверно указываются как даты жизни Ш. Перро, так и дата первой публикации его «Сказок матушки гусыни». Автор предисловия особенно выделяет во французских сказках их занимательность, смесь «непонятно-чудесного и обыденно-простого» – именно эта последняя сторона была усилена переводчиками. Мораль французских сказок, тонкая и двусмысленная, полностью уходит из русских переводов, в которых отсутствуют поэтические моралите, афористично и остроумно подчеркивающие назидательность прозаического повествования Перро. Упрекать в этом русских переводчиков не приходится – во французском издании Этцеля моралите тоже были опущены. Однако такой тонкий знаток французского языка и литературы, как Тургенев, должен был бы почувствовать невозможность адекватного перевода французского источника без моралите.

Имя Тургенева на обложке сыграло свою роль: переводы всех сказок были приписаны ему и издаются под его именем уже более 150 лет. Читая про лошадей «с яблоками», русский читатель полагает, что этот перл принадлежит автору «Отцов и детей», который писал в одном из писем: «В том-то и дело, что я дал только имя свое выставить на обертке – а в прочем ни телом ни душой не виноват, – т. е. в сущности виноват – зачем дал имя – и теперь должен терпеть укоры»⁴. При этом ныне под именем Тургенева тиражируются самые разные переводы и переложения сказок Перро: например, ему приписывают перевод «Красной шапочки», который никогда не был им сделан и который, в отличие от издания 1867 года, имеет счастливый конец – девочку и бабушку спасают подоспевшие вовремя охотники.

⁴Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1990. Т. 7: 1866 – июнь 1867. С. 140.

Авторитет Тургенева сыграл решающую роль как в том, что сказки Перро стали чрезвычайно популярны в России и новые переводы последовали один за другим, так и в том, что переводчики, по примеру великого писателя, которому эти переводы были приписаны, стали обращаться с текстом весьма вольно. Лишь в 1936 году появятся сразу два новых русских издания сказок, вернувших в Россию подлинного Перро: А. В. Федорова⁵ и М. Петровского⁶.

К. В. ЛЕБЕДЕВ – ИЛЛЮСТРАТОР «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА

А. Н. Антонова

Доклад представляет собою опыт комментария иллюстративного материала, находящегося в экспозиции Орловского объединенного государственного литературного музея, в той его части, которая посвящена «Запискам охотника», а именно литографиям из альбома Клавдия Васильевича Лебедева (1852–1916).

Работы Лебедева размещены в соответствующем разделе экспозиции наряду с иллюстрациями других известных художников: Заля, П. Соколова, Е. Бем, А. Лебедева, Н. Богатова, Я. Турлыгина. Тем не менее иллюстрации К. В. Лебедева к «Запискам охотника» считаются непревзойденными и по праву привлекают внимание посетителей.

Своеобразие и особая проникновенность этого цикла, по-видимому, обусловлены фактами биографии художника, выходца из крестьян, сызмала знавшего тяготы деревенского труда. Немаловажен и тот факт, что будущий художник, в детстве учившийся у отца искусству иконописи, надо думать, успел проникнуться евангельской моралью сострадания к обездоленным и униженным.

⁵ *Перро III. Сказки / Иллюстрации Г. Дорэ; Пер. с франц. А. В. Федорова и Л. В. Успенского. Л.: Худ. лит-ра, 1936.*

⁶ *Перро III. Сказки / Пер. под ред. М. Петровского. М.; Л.: Academia, 1936.*

Гуманистический пафос «Записок охотника» был близок ему как никому другому.

В докладе представлены главные вехи биографии и творческого пути К. В. Лебедева, основанные на труднодоступных материалах едва ли не единственного биографа художника – Олега Игоревича Сопоцинского. В том числе исследуются причины, побудившие художника взяться за цикл иллюстраций к «Запискам охотника».

К. В. Лебедев приступил к работе над ним, будучи уже сложившимся художником: в 1881 году он был награжден за свое мастерство большой серебряной медалью и получил звание классного художника 3-й степени. В докладе выдвигается гипотеза о возможном посещении Лебедевым родных мест Тургенева (Орел, Спасское-Лутовиново) в период работы над росписью Вознесенского собора г. Ельца (тогда Орловской губернии), занявшей около шести лет. Это обстоятельство в какой-то мере могло бы объяснить обращение художника к крестьянским рассказам Тургенева. Кроме того, в 1882 году исполнился тридцатилетний юбилей знаменитой книги. Не говоря уже о всенародных посмертных почестях писателя, побудивших многих художников обратиться к тургеневской тематике.

В докладе делается попытка характеристики отдельных иллюстраций из альбома Лебедева, которые автор счел наиболее удачными («Бирюк», «Бурмистр», «Бежин луг»). Они неизменно присутствуют в методических разработках образовательной программы музея «Читаем Тургенева вместе», а конкретно – игры-путешествия «Загадки Бежина луга», предназначенной для учащихся 6-х – 7-х классов.

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» В ОРЛЕ: ТЕРРИТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. Н. Ашихмина

— Место, описанное Тургеневым в романе «Дворянское гнездо»: причины выбора его жителями Орла.

- История усадьбы на окраине Орла. Ее владельцы.
- Первая фактическая мемориализация: Африкан Сафонов. Пребывание Тургенева в доме Сафонова.
- Прототипы: взгляд современников:
 - а) Лиза Калитина – Евдокия Коротнева, Александра Соколова, Кологривова и другие.
 - б) Лаврецкий.
 - в) Лемм.
- Сад Дворянского гнезда и Тургеневская роща в память Тургенева.
- Современное состояние бывшей усадьбы и парка. Необходимость сохранения и защиты.

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Атмоджа Басу

Вопросам употребления языка, изучению выбора и использования разнообразных языковых средств для передачи мыслей и эмоций в различных условиях общения посвящено немало работ, так как изучение лексики позволяет глубже проникнуть в пласты духовного сознания человека. Данная работа посвящена исследованию лексико-стилистических особенностей романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859). «Дворянское гнездо» в определенном смысле – роман о прошлом. Во-первых, роман, созданный в конце 1850-х годов, рисует события нескольких месяцев 1842 года, т. е. изображение отстоит от изображаемого более чем на 15 лет. Во-вторых, в романе много экскурсов в далекое прошлое. Кроме того, главная тема романа – разрушение старого мира дворянских гнезд. Художественное произведение, как показали многочисленные исследования, создается благодаря взаимодействию многих факторов, обусловленных идейно-эстетической позицией писателя и своеобразием его языковой картины мира.

Язык Тургенева является образцом стилистического совершенства. И хотя языковое мастерство постоянно находится в поле зрения исследователей, многие грани таланта писателя еще недостаточно изучены. В данной работе мы считаем необходимым сосредоточить внимание на этой стороне тургеневского языка, так как выбор и значение слов способствуют выражению жизненной и творческой позиции, авторской художественно-эстетической концепции, мысли писателя при создании целостного текста, передают систему оценок, т. е. определяют манеру художественного письма, идиостиль в целом. Слово в тексте рассматривается как реализованная единица языка, отражающая состав идиолекта автора, способствующая материальному воплощению его замысла; как свидетельство художественной деятельности автора.

В докладе предполагается рассмотреть стилистические особенности романа «Дворянское гнездо» сквозь призму архаизмов, историзмов и других стилистических средств. Текст романа дает широкие возможности для изучения идиолекта и идиостиля автора в нашем подходе. Мы хотим показать, каким образом в романе «Дворянское гнездо» представлена жизнь не только нескольких поколений рода Лаврецких, но перед глазами читателя предстает также «гнездо» Калитиных. По тому, как обустроена духовная жизнь дворянских гнезд, по их связи с различными сторонами социальной жизни в текстовой объективации можно судить о том, что вся Россия, с точки зрения Тургенева, состоит из таких «дворянских гнезд». Таким образом, творческая личность писателя может отражаться не только в его языке в целом, но и в языке отдельного произведения, идиолект и идиостиль обладают единством, черты которого проявляются в каждом тексте.

В языке романа «Дворянское гнездо» множество архаических элементов, причем не только лексических, но и синтаксических, морфологических и стилистических. К словам, вышедшим из употребления, можно отнести ряд диалектизмов, которые, по нашему мнению, составляют особую группу, отдельную от архаизмов и историзмов. Вот почему сопоставление окончательной редакции текста «Дворянского гнезда» с первоначальной рукописью Тургенева показывает пристальное внимание автора к лексике, отмеченной стилистической или временной архаизацией, так как подобная лексика, помимо общей выразительности, направленно работает на авторское идейное содержание романа, отражающего уходящий, прошлый мир.

«СЧИТАЮ ВЕЛИКИМ СЧАСТЬЕМ СВОЕЙ ЖИЗНИ,
ЧТО Я НЕСКОЛЬКО ПРИБЛИЗИЛ СВОЕ ОТЕЧЕСТВО
К ВОСПРИЯТИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПУБЛИКОЙ»*

По поводу новых переводов «Записок охотника» (2018)
и «Первой любви» (2018) на немецкий язык

Вера Бишицки

Немецкий писатель и мыслитель эпохи Просвещения, Карл Филипп Мориц (1756–1793) Николаю Карамзину: «Может быть, придет такое время, в которое мы будем учиться и русскому языку; но для этого надобно вам написать что-нибудь превосходное».

Давно уже настало время, когда в Германии не только изучают русский язык, но и переводят современных русских писателей, русских классиков, а также заново переводят великих классиков русской литературы, тем самым пролагая пути, соединяющие наши страны. Иван Тургенев уже в XIX веке с присущей ему иронией прокомментировал это в письме к Писемскому следующим образом: «Стало быть, в нас что-то есть, коли немцы <...> нас переводят».

Краткий исторический обзор предыдущих изданий (ограничиваюсь в докладе переводами «Записок охотника»): с 1854 по 2004 годы вышло 13 переводов «Записок...» на немецкий язык.

Зачем же в четырнадцатый раз заново переводить этого классика? Внешним поводом для перевода «Записок...» (и повести «Первая любовь») стал двухсотлетний юбилей Тургенева. Подарить к юбилею новый перевод Тургеневу, так сильно намучившемуся с переводчиками своих произведений («грандиознейшее, возмутительное по своей тупости свинство»), явилось для меня большим вызовом и движущей силой. Особенно потому, что наше сегодняшнее представление о переводе литературно-

* И. Тургенев – М. Нехелесу. Париж, 16 апреля 1879 г. Подлинник по-нем.: «Dass ich mein Vaterland dem europäischen Publikum etwas näher gerückt habe, betrachte ich als das grosse Glück meines Lebens».

го произведения сильно отличается от представлений прошлых лет. Сегодня мы гораздо больше, чем в прежние времена, стремимся сочетать филологическую точность с попыткой воссоздать художественное звучание оригинала, сохранить все особенности и стиль автора и снабдить читателей в комментариях необходимым фоном – дополнительными сведениями из истории и культуры страны и из биографии автора. То, что угадывалось между строк и без труда понималось современниками Тургенева, не обязательно будет понятно сегодняшним читателям, тем более за границей. И не менее важно: за последние столетия, а особенно – за последние десятилетия инструментарий переводчика разительно изменился к лучшему и чрезвычайно расширился.

Несколько слов о моем приложении к «Запискам...». Оно составляет 90 страниц – примерно одну шестую часть всего объема книги – и включает мое послесловие, дополнительное послесловие к новому переводу и обширные примечания к тексту; кроме того, я добавила «Письмо из Петербурга», чтобы показать читателю обстоятельства, в связи с которыми Тургенев был арестован и приговорен к двухлетней ссылке в Спасское.

Предпосылки перевода классического произведения: нужно поставить под сомнение знание иностранного языка. Язык подвержен постоянным изменениям, сдвигаются оттенки значений. Нередко оказывается, что эти оттенки имеют несколько значений. Иногда даже сложно решить, какой смысл подходит. Поясню это на примере из рассказа «Мой сосед Радилов». Порою встречаются и места, не совсем понятные даже носителям языка (пример из рассказа «Бурмистр»).

Переводчик русского классического шедевра должен быть *polyhistor*, т. е. энциклопедистом: одновременно и русистом, и германистом, и литературоведом, и этнологом, и лингвистом, и культурологом, и историком, и биологом, порою и медиком, конечно и психологом, даже актером или по крайней мере чтецом – если учесть представление готовой книги на творческих вечерах... Конечно, надо быть и литератором и поэтом. И – немаловажное качество – борцом, энтузиастом и идеалистом.

В заключение – размышление личного характера об одном из важнейших «героев» «Записок...» – о природе.

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И. С. ТУРГЕНЕВА
В КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ
ВИЛЬЯМА РОЛЬСТОНА И КОНСТАНС ГАРНЕТТ

Т. Н. Богрданова

«Открытие» на исходе XIX столетия русской литературы в Англии, переросшее в начале следующего века буквально в «русоманию», было подготовлено в течение трехсотлетней истории англо-русских взаимоотношений деятельностью различных посредников, получивших в той или иной степени освещение в работах ряда исследователей (М. П. Алексеева, Ю. Д. Левина, Энтони Кросса и др.). Тема международных литературных связей продолжает активно разрабатываться, в том числе и в отношении вклада видных литераторов в этот процесс. Роль И. С. Тургенева, «русского европейца», представляет здесь особый интерес, что было убедительно показано, в частности, в монографии Н. П. Генераловой.

Однако представляется, что вклад переводчиков, этих «почтовых лошадей просвещения», и переводных текстов во взаимодействие литератур и народов остается все еще недооцененным в общих, «панорамных» исследованиях, в то время как и в самом переводоведении аспект международных отношений также не получает должного внимания. Так, при общей высокой оценке Вильяма Рольстона (1828–1889) как одного из первых пропагандистов русского фольклора и литературы на Западе, изучение как самой личности переводчика, так и его переводческой деятельности и собственно переводов далеко от завершения. Сказанное относится и к Констанс Гарнетт (1861–1946), сыгравшей, как известно, неопределимую роль своими переводами русских классиков в англо-русском культурном взаимодействии и взаимопонимании. Примечательно, что «Дворянское гнездо» Тургенева продолжают читать как в первом переводе Рольстона, так и в последующем варианте Гарнетт. В настоящей работе проведем сравнительный анализ двух переводных текстов, также как и обстоятельств их создания, личностных и творческих особенностей переводчиков, определивших классический статус их переводов в современном англоязычном мире.

МОЙ ДИАЛОГ С ТУРГЕНЕВЫМ

Размышления о работе над новым немецким переводом
«Отцов и детей»

Ганна-Мария Браунгардт

Когда мне предложили переводить роман «Отцы и дети», я не сразу согласилась. До этого я переводила современных авторов, с которыми во время работы над переводом постоянно общалась, задавала много вопросов. А как быть с классиком? Тургеневу в свое время часто приходилось жаловаться на переводчиков, в частности на немецкий язык, он очень просил, чтобы выходили только «ревидированные» им самим переводы. И вот опять немецкая переводчица взялась за перевод «Отцов и детей» и уже в переводе названия погрешила против оригинала, выбрав немецкое название «Väter und Söhne», т. е. «Отцы и сыновья». Постараюсь объяснить и это, и другие вольности в работе над переводом. Все свои сомнения и оправдания по этому поводу я изложила в письме к автору, ставшем частью моего послесловия к роману.

Работая над переводом, я, конечно, столкнулась с вопросом, как относиться к многочисленным предыдущим переводам? Читать или не читать? Допустимо ли «заимствовать» удачные переводческие решения коллег?

Известно, что переводы стареют – а что такое «современный» перевод? О моем приближении к тексту XIX века и поиске точного слова.

И в завершение о том, что побудило меня переводить именно этот роман Тургенева, почему, по-моему, стоит заново представить его немецким читателям?

ОПРАВДАНИЕ РУДИНА

Н. Ф. Буданова

Доклад этот – часть большой и перспективной, на мой взгляд, темы «Достоевский и Тургенев», которой я занимаюсь давно. К сожа-

лению, и в наши дни еще бытует живучая и весьма несправедливая формула «история вражды», якобы определяющая не только личные (непростые), но и творческие отношения писателей. В своей книге о Достоевском и Тургеневе я заменила эту формулу емким и очень актуальным в настоящее время понятием «диалог»¹ и попыталась доказать, что диалог этот был для писателей весьма плодотворным.

Цель настоящего доклада – определить значение романа «Рудин» и его главного героя в формировании образа «русского скитальца» и концепции «скитальчества» в Речи о Пушкине, а также – шире – в эволюции отношения Достоевского в середине 1870-х годов и в преддверии Пушкинской речи к идейному наследию так называемого «поколения сороковых годов», передовой дворянской интеллигенции. Отношение это из резко критического в 1860-е годы (см. публицистику писателя этого периода) становится сочувственным, что было во многом продиктовано идеологической установкой Речи – идеей примирения славянофилов и западников и национального единения во имя служения России «на родной ниве».

Предположение о Рудине как основном литературном прообразе «русского скитальца» я впервые высказала в упоминавшейся выше книге «Достоевский и Тургенев: Творческий диалог». В настоящее время это предположение подтвердилось дополнительной аргументацией. Повторю некоторые ранее высказанные предположения о Рудине как «русском скитальце».

Не исключено, что самый термин «скиталец» в значительной мере навеян образом Рудина, потому что Рудин наиболее соответствует той интерпретации «скитальца» и «скитальчества», которая дана в Речи о Пушкине. Любопытно, что Достоевский, характеризуя «русского скитальца», употребляет эпитет «бездомный» – синоним тургеневскому «бесприютный».

Мотив «бесприютного скитальчества» Рудина «в родной земле» отчетливо звучит в романе и приобретает поистине символическое звучание в эпилоге, когда Рудин уходит из губернской гостиницы в непроглядную осеннюю ночь. «И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам!» – такими словами завершает автор эту сцену. Рудин – «чужой в доме», «вечный жид», «перекати-поле». Ему словно самой судьбой предопределено мыкаться по свету, так и не обретя достаточного применения своим незаурядным дарованиям.

¹ Буданова Н. Ф. Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л.: Наука, 1987.

Причины неудач всех практических начинаний Рудина Лежнев объясняет не только определенными чертами характера Рудина, но и объективными историческими условиями. Прогрессивное общественное значение Рудиных Лежнев видит в их просветительской деятельности, в пропаганде лучших, передовых идей своего времени (и прежде всего отмены крепостного права), неустанной вере в добро, истину, справедливость. «Он не сделает сам ничего, – характеризует Лежнев Рудина, – <...> но кто вправе сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? что его слова не заронили много новых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы?»².

Наиболее красноречивое оправдание Рудиных дано в эпилоге романа. «Бесприютное скитальчество» Рудина трагически завершается героической, но практически бесполезной («донкихотской») смертью на парижской баррикаде, когда участники восстания уже покинули ее³. «Скитальчество» Рудина не только получает историческое объяснение и оправдание, но и признается необходимым условием общественного прогресса и как бы становится символом неустанного духовного горения и бескомпромиссного служения высокой идее, истине, добру. Гамлет-Рудин сближается со Странствующим рыцарем Дон-Кихотом, тоже бедняком и «бесприютным скитальцем», бескорыстным защитником всех обиженных и притесненных. «А все-таки без этих смешных Дон-Кихотов, без этих чудаков изобретателей не подвигалось бы вперед человечество – и не над чем было бы размышлять Гамлетам», – писал Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (VIII, 189).

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л.: АН СССР, 1963. Т. VI. С. 348. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома римской цифрой, а страниц – арабской.

³ Концовка эпилога романа, изображающая смерть Рудина на баррикаде в период поражения июньской революции 1848 г., была добавлена Тургеневым в собрание сочинений 1860 г. (изд. Н. А. Основского, т. IV). Как справедливо отмечают исследователи, эта концовка имела для писателя принципиальное значение: она явилась итогом споров конца 1850-х – начала 1860-х гг. об общественно-историческом значении идейного наследия «людей сороковых годов», передовой дворянской интеллигенции, к которой, в частности, принадлежал Тургенев, а также его ответом на отрицательную оценку Рудина и Рудиных Чернышевским и Добролюбовым.

Подводя итоги своей неудавшейся жизни, Рудин рассказывает Лежневу «Маялся я много, скитался не одним телом – душой скитался <...> Где не бывал я, по каким дорогам не ходил!..» (VI, 356). «...Но доброе слово – тоже дело», – возражает Лежнев. «Ты назвал себя Вечным Жидом... – продолжает Лежнев. – А почему ты знаешь, *может быть, тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение*: народная мудрость гласит недаром, что все мы под Богом ходим!» (VI, 365, 367. Курсив мой. – Н. Б.).

В черновых подготовительных материалах к «Подростку» близкую мысль высказывает Версилов: «Как это так случилось, – говорит он Аркадию, – что у нас образовался такой любопытный тип всемирно болеющего человека из дворянства Петра Великого? И зачем говорить, что он *ни к чему не способен, кроме странствий? Да разве всемирное боленье-то не великое дело?*»⁴.

«Скитальчество» (без практического дела) осмысливается Версиловым как служение великой идее, а потому приравнивается к общепользительной деятельности.

Упоминание Рудина в черновых материалах к «Подростку» дает возможность предположить, что к середине 1870-х годов Достоевский перечитал роман Тургенева и изменил резко критическое отношение к этому герою на сочувственное под влиянием нового эпилога к роману, добавленного Тургеневым в издание романа, а также содержательной статьи молодого талантливого критика Н. К. Михайловского⁵, «реабилитировавшего» Рудина и признавшего полезной его просветительскую деятельность, так как «доброе слово тоже дело» (VI, 365).

Итоговая оценка Достоевским Рудина в период работы над Речью о Пушкине содержится в печатном тексте Речи (полемика с публицистом А. Д. Градовским). По словам писателя, «именно потому-то он (Рудин. – Н. Б.) и русский в высшей степени, что дело, за которое он умирал в Париже, ему вовсе было не столь посторонним, как было бы англичанину или немцу, ибо дело европейское, мировое, всечеловеческое – давно уже не постороннее

⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 16. С. 417. Курсив мой. – Н. Б.

⁵ Отечественные записки. 1874. № 3; Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1896. Т. 2. С. 619–621.

русскому человеку. Ведь это отличительная черта Рудина. Трагедия Рудина была, собственно, в том, что он на своей ниве работы не нашел и умер на другой ниве, вовсе не столь чуждой ему, как вы утверждаете»⁶.

Эволюцию в отношении Достоевского к образу «лишнего человека» в русской литературе можно выразить формулой: от «общечеловека» (западник – космополит, утративший национальное лицо) к «русскому скитальцу» и «всечеловеку»⁷, наделенному характерной национальной чертой «всемирной отзывчивостью» и тоской по «мировой гармонии». Крайние точки этого ряда: «подпольный человек» и «всечеловек». Можно высказать предположение, что открывают и закрывают этот литературный ряд «лишние люди» Тургенева – Гамлет Щигровского уезда и Чулкатурин («Дневник лишнего человека»).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА И. С. ТУРГЕНЕВА

Ван Лие

Доклад состоит из двух частей. В первой преимущественно рассматривается психологическая функция сенсорной лексики в прозе И. С. Тургенева. Слух, зрение, обоняние, вкус, осязание и др. входят в лексикон, отражающий спектр действия органов восприятия. Таким образом, образуются цепочки образности свет-цвет-тьнь, звук-запах-движение, которые отражают особенности психологического настроения и активно участвуют в художественном воплощении принципа «тайной психологии» Тургенева.

⁶ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 155.

⁷ См. также: *Буданова Н. Ф.* От «общечеловеку» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» // Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...»: К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского. СПб.: Петрополис, 2012. С. 263–278; *Кийко Е. И.* Русский тип «всемирного боления за всех» в «Подростке» (По материалам черного автографа) // Русская литература. 1975. № 1. С. 155.

Слова-цветообозначения на страницах Тургенева являются частью образной характеристики и непосредственно обозначают изменение внешнего состояния героев. Такое изменение точно отражает психологическую деятельность персонажей. В романе «Дым» при раскрытии психологии Ирины Тургенев щедро использовал цветообозначения, они характеризуют едва ли не все изменения психологического состояния героини: «лицо ее мгновенно вспыхнуло... быстро побледнело... пожелтело...», «...она вздыхала и краснела...», «глаза засверкали веселостью, счастьем...», «...молчалива и бледна...», «глаза, которые и светлели и таяли...», «глаза ее блестели странным блеском, а щеки и губы мертвенно белели сквозь частую сетку вуали...», «лицо бледное под мгновенною алою волной... белые словно обескровленные руки...»¹.

В главе 16 «Вешних вод» цвето-световые слова точно и верно передают сложные внутренние переживания героини: «Он (офицер. – *В. Л.*) взял со стола розу, лежавшую перед прибором Джеммы. Сначала она изумилась, испугалась и побледнела страшно... потом испуг в ней сменился негодованием, она вдруг покраснела вся, до самых волос – и ее глаза, прямо устремленные на оскорбителя, в одно и то же время потемнели и вспыхнули, наполнились мраком, загорелись огнем неудержимого гнева» (XI, 42).

Тургенев ни одним словом не изобразил резкое изменение психологического состояния героини, а передает его через цепочку цвето-светообозначений, которые нагружены психологическим содержанием: перед лицом неожиданной провокации, которой никак не ожидала барышня знатного рода, Джемма «изумилась»; столкнувшись вдруг с невиданными никогда прежде хулиганами, она «испугалась и побледнела страшно...»; при виде людей, на которых она совсем не обращала внимания до этого и которые по своей прихоти издеваются над другими, «испуг в ней сменился негодованием, она вдруг покраснела вся, до самых волос» – все чувство написано в глазах: «и ее глаза, прямо устремленные на оскорбителя» – это беззвучное сопротивление. Но когда она осознала, что ничего не получится, если унижить себя и ссориться с ними, невменяемыми проходимцами, ее глаза «в одно и то же время по-

¹Здесь и далее произведения Тургенева цитируются по изданию: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л.: АН СССР, 1963. Ссылки приводятся в тексте, с указанием тома римской цифрой, а страниц – арабской. Подчеркнуто мною. – *В. Л.*

темнели» – безвыходность, «вспыхнули» – смущение, «наполнились мраком» – обида, «загорелись огнем неудержимого гнева». Так живо и образно воссоздан психологический хаос в душе героини: «говорящие» цветовые и световые дефиниции полностью проявили ее бедственное психологическое состояние.

Слова, отражающие оттенки вкуса, на страницах Тургенева сами не имеют элементов непосредственной психологической оценки, однако способствуют отражению субъективного психологического настроения. Так, свежесть, которой веет в воздухе, вызвала у Лаврецкого небывало глубокую и сильную любовь к родной земле. Но «вкусовые» слова на страницах писателя-психолога Тургенева чаще не имеют прямого значения. Тургенев порой умеет прибавить к обыденному слову запах, благодаря которому неподвижное, неживое явление оживает и даже олицетворяется. Например, «душная, полупрозрачная мгла» (IV, 85), «ночь тяжело и сыро пахнула» (VII, 27), «душистым теплом повеяло от земли» (VII, 78), «свежее дыханье волны» (VII, 27) и т. п. Пленительная сладость повестей Тургенева о первой любви проявляется также в употреблении большого количества эпитетов сладкого запаха, который «веет» почти только в ощущении и чувстве человека: «сладостное томление» (VII, 78), «сладкий холодок» (VII, 121), «сладкая истома лени» (XI, 33), «звуки... слаще» (VII, 77), «сладкое замирание» (VII, 121), «сладкая боль» (IX, 45), «сладкий ужас» (XI, 103)... Сладкий запах, который имеет уже переносное значение и часто вмещивается в психологию любящих героев, становится агентом или следствием психологической деятельности персонажей: «Увидев знакомый виноград и белый домик на верху горы, я (Н. Н. – В. Л.) почувствовал какую-то сладость – именно сладость на сердце; точно мне втихомолку меду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа» (VII, 97). У Володи в сердце («Первая любовь») «таилось полусознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового несказанно сладкого, женского...» (IX, 17). При этом пробуждении чувства Володя не может совладать с собой: «То, что я ощущал, было так ново и сладко...» (IX, 28). Володя восторгается красотой Зинаиды и милостью к себе, он «как ребенок, который лакомился» (IX, 17), вот как юноша отзывается о последнем поцелуе: «Бог знает, кого искал этот долгий, прощальный поцелуй, но я жадно вкусил его сладость. Я знал, что он уже никогда не повторится» (IX, 67). Тургенев как будто желает показать сладость, сочность первой

любви и вместе с тем заставить читателя ощущать «сладкую боль» и «сладкий ужас» в любви, сладкое мучение и скорбь, сладостную трагедию.

Сенсорная лексика то верно и точно передает внутренние переживания персонажей, то представляет видоизменение их внутреннего мира, порой даже его контрастность. Воспитанность тургеневской девушки в том, что чем сильнее она волнуется внутренне, тем спокойнее кажется внешне. В палитре художника слова Тургенева ярко выделяются «неподвижность», «недвижность», «тишина», «спокойствие» и другие близкие по смыслу слова. Превосходство Тургенева как непревзойденного художника слова состоит в том, что при изображении психологического состояния он часто рисует покой на фоне мятежа, а на фоне движения фиксирует неподвижность. Под его пером «покой» и «неподвижность» далеко не значат смерть и отсутствие звука и динамики, но являются посредниками бывшей и новой психологии. В тургеневской «тайной психологии» скромные статичные слова часто становятся эпитетами, которые вскрывают богатые и сложные чувства.

Первоэлементом литературы является язык. Передать богатые и сложные чувства персонажей можно посредством живых и образных слов. Однако выразительность языка весьма ограничена. Тургенев не раз удивляется безграничности слова и в то же время его «ограниченности». Как он пишет в романе «Дворянское гнездо»: психология той девушки не выразима словами. Сложное психологическое состояние при последней встрече Лизы и Лаврецкого совсем не выразимо словами. В «Вешних водах» Тургенев вложил в уста героев свое осознанное утверждение: «В мире больше нет того, что сильнее и бессильнее слов!». Именно Тургенев сказал, что самый превосходный мастер слова не сможет сразу точными словами выразить волнение, которое возникает в один миг. Знаток потаенной психологии, Тургенев, чтобы отразить душевные переживания, смутность и хаос настроений, которые невозможно передать словами, усиленно ищет новые выразительные средства. Во второй части нашего доклада анализируется функция психологической оценки слов-полутонов: слов с приставкой «пол- (полу-)», неопределенных наречий и местоимений с «-то», освещается роль модальных частиц «едва ли», «чуть ли», выражающих недоверность или предположения в раскрытии психологического состояния, рассматривается психологический фактор сравнительных

частиц «как будто», «как бы», разделительных и сочинительных союзов (не то, не то; либо, либо) и гипотетических квазиассертивных предложений (кажется). На взгляд автора, с их помощью выражается недоумение персонажей, их колебания, психологический конфликт, «диалектика чувств» и другие психологические настроения. Огромная эстетическая функция подобных слов заключается также в том, что они призваны с максимальной силой вызвать у читателей определенные ассоциации, воссоздать желаемые ощущения. Неопределенные местоимения и наречия с частицей «-то» едва ли не стали главнейшим средством поэтического изображения любви. В «Первой любви» маленький герой находится в «полусознании», он не всегда понимает, что происходит вокруг него, не всегда разбирается в своих чувствах, постоянно пребывает в восторге или радости, надеждах и разочарованиях, сомнениях и колебаниях, непонимании и недоумении. Подобные слова, особенно неопределенное местоимение и наречие с «-то» плотно распределяются в его психологическом рисунке. Тургенев изображает сложное и противоречивое психологическое состояние героя, не желая прибегать к толстовской «диалектике души», и в то же время в повести, сознательно или бессознательно, достигается «цель искусства», о которой Л. Толстой сказал: «проявить такие тайны, которые нельзя высказать простым словом»². В. Г. Фридлянд замечает: «Первая любовь», пожалуй, единственное произведение, где Тургенев “по-толстовски” прослеживает, как возникло и развивалось чувство героя, проникновенно передает самую диалектику любви, мгновенные переходы от безысходного горя, нестерпимой обиды к опьяняющей радости»³.

При помощи разнообразных художественных средств Тургенев передает это возвышенное настроение, используя в психологических описаниях знаки препинания как важнейшее средство. После ухода Аси Н. Н. рвет на себе волосы, раскаивается в своей нерешительности. В его внутренней речи активным образом чередуются знаки вопросительные и восклицательные: «Как я мог не...? как не оценить...? как я не...!» Несколько позже он непрерывно спрашивает себя: «Разве я...? разве я...? разве я...?» и с озлоблением сожалеет и пеняет на себя: «Безумец! безумец!» (VII, 17). Порой два вида знаков появляются в унисон и усиливают тон, психологию, выражают чувство и настрое-

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. М., 1993. Т. 5. С. 60.

³ Фридлянд В. Г. Тургеневская повесть // Тургенев И. С. Повести. М., 1998. С. 11.

ние: «!!» (XI, 81), «??» (XI, 81), «!!!» (XI, 118), (XI, 149). Иногда автор к ним даже прибавляет комментарии в скобках. Например, Санин, будучи не в силах освободиться от влияния Полозовой, с помощью письма Джеммы пытается ободрить себя и в письме «назначил ей (Джемме. – В. Л.) свидание через три дня!!!», автор в скобках комментирует: «с тремя восклицательными знаками» (XI, 118).

Знаки препинания, конечно же, не слова, но они несколько не слабее их по производимому эффекту. Тургенев мастерски использует их при создании психологического портрета. Они наносят завершающий штрих при выражении чувств и передаче смысла, выполняют незаменимую роль в неоконченных фразах. Миссия их состоит в том, чтобы передать пульс речи, они играют выдающуюся роль – беззвучную, но чувствительную.

ГОГОЛЬ И ПУТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ВОСХОДЯЩЕЕ И НИСХОДЯЩЕЕ (Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и др.)

И. А. Виноградов

Наследование Гоголю в русской литературе имеет долгую и плодотворную традицию, но начинается с конфликта. Конфликт заключается в глубоком противоречии между содержанием творчества Гоголя и пафосом его ближайших «продолжателей», представителей так называемой «натуральной школы», объединившей собой литераторов западнического направления, во главе с В. Г. Белинским и Н. А. Некрасовым. Заимствуя «приемы» Гоголя, литераторы школы «натуралистов» резко расходились с ним в смысле и понимании целей самого творчества. Белинский как верный выразитель взглядов этой школы задал в своем зальцбруннском письме к Гоголю 1847 года весьма долгую «традицию» – принимать всё собственно гоголевское, т. е. всё, не искаженное радикальными интерпретациями, – в штыки. О том, как радикальная «традиция» обошлась с Гоголем в истолковании и «продолжении»

его творчества, как нельзя лучше высказался один из ее представителей, друг Белинского В. П. Боткин: «...русская литература брала в Гоголе то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, как скорлупку выеденного яйца» (письмо к П. В. Анненкову от 28 февраля 1847 г.).

Одной из важных причин издания в 1847 году «Выбранных мест из переписки с друзьями» явилось именно стремление Гоголя сорвать коросту произвольных интерпретаций, приставшую к его произведениям усилиями радикальных критиков, – за что писатель и был «наказан» обличительным письмом Белинского. Вскоре после смерти критика Гоголь предпринял новую попытку изменить ситуацию, складывающуюся вокруг его наследия. В 1848 году, обеспокоенный судьбой пушкинского «Современника» – отданного незадолго перед тем, в конце 1846 года, П. А. Плетневым в аренду Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву – Гоголь по своей инициативе организовал в Петербурге встречу с молодыми сотрудниками обновленного журнала – И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, А. В. Дружининым, А. И. Кронебергом, Н. А. Некрасовым. На встрече присутствовали также П. В. Анненков, В. П. Боткин, И. И. Панаев. (И. С. Тургенев в то время жил за границей.) Высказывалось мнение, что в числе приглашенных литераторов был также Ф. М. Достоевский. Однако последний не был сотрудником «Современника» и к тому времени уже разошелся с «некрасовцами» – был с ними в ссоре. Так что, более вероятно, что Достоевского никто не приглашал. Судя по дошедшим до нас воспоминаниям участников этой встречи, взаимопонимания между Гоголем и новыми литераторами не возникло. Общенье послужило лишь основой для неприязненных мемуаров о Гоголе Панаева 1855 года и материалом для отдельных черт Фомы Опискина в повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859). (Достоевский, вероятно, следовал панаевскому рассказу.) Уточняется, каким образом и какие конкретные черты Гоголя Достоевский использовал при создании образа своего отрицательного героя. Приводятся новые факты, освещающие историю «Села Степанчикова...». Еще до выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» Белинским и его сторонниками в Петербурге была организована целая кампания по дискредитации книги Гоголя. Частью кампании сторонников Белинского по очернению гоголевской книги явились, в частности, недобросовестные измышления Боткина о Гоголе-«Тартюфе», которые, как выясняется, и нашли отражение в повести Достоевского.

Пройдет немало лет, когда Достоевский сам заговорит вполне по-гоголевски – не только похожим «гоголевским» стилем, но и существом, сокровенным содержанием «Выбранных мест из переписки с друзьями», создав впоследствии их прямое подобие, в новой жанровой форме, – «Дневник писателя». (При этом в самом первом номере «Дневника...» Достоевский вступит в острый, непримиримый спор со своим давним «совопросником» Белинским.) Как заметили еще современники Гоголя, «Выбранные места из переписки с друзьями» представляют собой своеобразное продолжение широко известного, высоко оцененного Гоголем антизападнического стихотворения поэта Николая Языкова «К ненашим» (1844). В этом смысле итоговая гоголевская книга – это прямое преддверие «Бесов» Достоевского, антинигилистических романов А. Ф. Писемского и Н. С. Лескова, разоблачительных образов нигилистов у Гончарова и графа А. К. Толстого – когда все эти писатели обратились к подлинно гоголевским духовным традициям.

Однако это «контрнаступление» талантливых отечественных литераторов было еще впереди. А пока в русском обществе все настойчивее заявляли о себе «традиции» радикальной школы. В январе 1855 года И. С. Тургенев в беседе с Константином Аксаковым признавался, что Белинский и его зальцбрунское письмо к Гоголю – «это вся его религия». Ранее, осенью 1851 года, тот же Тургенев в разговоре с будущим «консерватором» К. Н. Леонтьевым (в ту пору студентом Московского университета) столь же похвально отзывался о суждениях по поводу наследия Гоголя А. И. Герцена. Много лет спустя (в 1888 году) тогдашнее мнение Тургенева было положено Леонтьевым в основу его критической оценки Гоголя в статье «О романах гр. Л. Н. Толстого». По поводу этой оценки известный мыслитель, историк и публицист Т. И. Филиппов в письме к Леонтьеву замечал: «Гоголь Вами не понят. <...> Он был последний идеалист, с возвышенным и строгим, в последние годы даже священным, настроением. <...> Это наша вина, что мы в родню ему приписали Белинского и его выводов»¹.

Год от года последователи «натуральной школы» продолжали выстраивать «аргументы» в пользу своего «понимания» гоголевского наследия. Игнорируя открыто выраженное самим Гоголем

¹ Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступит. ст., подг. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 492.

противостояние западникам, Н. Г. Чернышевский в 1855–1856 годах создал цикл статей, назвав их «Очерками гоголевского периода русской литературы» – где, вопреки заглавию, рассуждал не о Гоголе, а лишь о Белинском и его «школе», т. е. о «единственно верном и правильном» взгляде критика на общество и гоголевское творчество. (На очевидное несоответствие названия очерков Чернышевского их содержанию указывали впоследствии как дореволюционные критики – А. М. Скабичевский, С. А. Венгеров, так и советские исследователи – В. В. Буш, Г. О. Берлинер.)

В 1857 и 1869 годах появляются мемуары о Гоголе Анненкова и Тургенева, главная задача которых состояла в том, чтобы на основании воспоминаний «документально» доказать правоту Белинского в истолковании Гоголя. – В свою очередь, на то, что Анненков и Тургенев не вполне достоверны в своих свидетельствах о писателе, указывали даже представители советского литературоведения. Это кое-где отмечали в своих работах о Гоголе В. В. Гишпиус и И. Я. Айзеншток.

Особая «заслуга» в антигоголевской кампании, развернутой Белинским и его последователями, принадлежит Тургеневу. В докладе подробно рассматривается история известной статьи Тургенева о смерти Гоголя 1852 года; приводятся факты, свидетельствующие, что много лет спустя, в 1869 году, сам Тургенев, рассказывая об этой истории, искажал факты. Уточняются истоки известного сатирического выпада героя Тургенева Базарова в адрес Гоголя в «Отцах и детях» (1862). Представлена объективная картина гоголевских оценок произведений Тургенева, как благожелательных, так и резко критических, что отражает обычную позицию Гоголя – стремление, перемежая похвалы и порицания, преподать молодым литераторам оздоровляющий урок.

И. С. ТУРГЕНЕВ И РОМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В. ШЕКСПИРА

(по материалам родовой библиотеки писателя)

И. О. Волков

Активный интерес И. С. Тургенева к жизни и творчеству Шекспира во многом был определяющим в формировании соб-

ственных художественно-эстетических принципов. Первая половина его творчества совершенно очевидно прошла под знаком пристального внимания к образу Гамлета. Это нашло свое наиболее яркое выражение в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (1848) и в статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1860).

Пребывание за границей и занятия в Берлинском университете были сопряжены у писателя с активным погружением в творчество Шекспира. В это время Тургенев получает в дар от Т. Н. Грановского однотомное собрание произведений английского драматурга с напутственной записью. Сам писатель приобретает множество шекспировских изданий (художественные произведения, научные исследования и исторические романы о Шекспире) на немецком, французском и английском языках. Частично эта богатая коллекция сохранилась и поныне в его родовой библиотеке (г. Орел). Особую ценность составляют книги, содержащие пометы их внимательного читателя.

Издания Шекспира, подготовленные Людвигом Тиком и Франсуа Гизо и отмеченные рукой самого писателя, дают чрезвычайно ценные сведения по истории формирования у Тургенева шекспировской концепции и эстетики гамлетовского образа. Писатель проходит школу романтической критики Шекспира от представителей западноевропейского романтизма (Л. Тик, братья Шлегели, Ф. Гизо, П. де Барант) до собственно национальных форм интерпретации (В. Г. Белинский, М. А. Бакунин).

В 1848 и 1860 годах Тургенев представляет свой вариант художественно-критической концепции Шекспира и его главного образа. Отношение писателя отличается исключительной сложностью и неоднозначностью. Но оценивая Гамлета с позиции своего времени, он наделяет его образ глубоко трагическим звучанием. Усваивая романтическую теорию Шекспира, Тургенев принимает и развивает концепцию, предложенную И.-В. Гёте.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ: Превратности судьбы и писательской славы

Н. П. Генералова

Писательская слава Тургенева знала взлеты и падения, пока не установилась на века. Насколько всплески понимания

и непонимания произведений одного из лучших русских романистов XIX столетия зависели от общественно-политической обстановки в России, а насколько от него самого? Попытка дать ответы на эти вопросы заставляет вернуться в 1852 год, год выхода в свет ставшего знаменитым цикла «Записки охотника», книги, которую сам писатель считал своей «лептой» в сокровищницу русской литературы и за которую он был сослан в свое имение.

Второй пик писательской славы Тургенева – 1859 год, год выхода в свет романа «Дворянское гнездо», который был принят критиками и литераторами всех направлений. Это был в то же время и пик творческой активности писателя, когда один за другим появились три романа – «Дворянское гнездо», «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» (1862). Однако уже «Накануне» вызвало разногласия. А появление в февральском номере «Русского вестника» романа «Отцы и дети» обрушило на писателя шквал нападок со стороны как радикальных, так и консервативных кругов. Столь явное и почти единодушное неприятие романа, совпавшее с беспокойным временем важнейшего события – отменой крепостного права – послужило причиной глубокого творческого кризиса и почти на двадцать лет «задвинуло» имя Тургенева на обочину литературного процесса.

Именно после критики «Отцов и детей» писатель принимает решение навсегда поселиться за границей, хотя и не оставляет попыток объясниться с русской публикой.

Лишь в 1879 году приезд Тургенева на родину неожиданно для него совпадает с целой вереницей торжественных заседаний, устроенных в его честь. Полтора месяца, проведенные в Москве и Петербурге, обнаружили непреложный факт – русская публика не только не забыла его, она продолжала любить и ценить его произведения. Более того, та самая молодежь, которая еще недавно «обижалась» на него за роман «Новь», пошла ему навстречу и признала его своим учителем. Столь горячий прием едва не побудил Тургенева решительным образом изменить свою жизнь, а именно вернуться в Россию и поселиться в родовом Спасском.

Почему это не случилось, каковы были последние годы писателя и в чем была причина столь крутых поворотов в его писательской судьбе – таковы темы, затронутые в докладе.

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ»:
ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ «ПОСТЕПЕНОВСТВА СНИЗУ»
В КОНТЕКСТЕ РЯДОМ ПРОТЕКАЮЩЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

В. М. Головки

Роман И. С. Тургенева «Новь» (1876) создавался в контексте философских исканий писателя в области социального эволюционизма, которые зафиксированы в публицистических, мемуарных, эпистолярных текстах, относящихся к его рядом протекающей литературной деятельности. Будучи «мирным сторонником прогресса и свободы»¹, художник-мыслитель аргументировал идею продуктивности постепенного совершенствования общества на основе универсального эволюционизма, широкого просвещения и осознания внутренних закономерностей развития «народной жизни»². О том, насколько это было актуально, свидетельствует письмо П. В. Анненкова к Тургеневу от 28 октября (9 ноября) 1876 года, в котором он поддержал мысль автора «Нови» о необходимости широкого просвещения народа³. Именно в таком ключе трактуется исследователями эпиграф к роману «Новь». Но о какой просветительской парадигме идет речь в данном случае? Поскольку Тургенев называл себя «либералом-постепеновцем» (С. XV, 185), то, как правило, подразумевается либеральное просветительство. Либеральное движение в России второй половины XIX века было чрезвычайно неоднородным, поэтому современники писателя неоднократно подчеркивали, что он был «либералом в самом

¹ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит-ра, 1983. Т. 2. С. 163.

² *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1965. Т. X. С. 296. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с обозначением серии (П. – Письма, С. – Сочинения) и указанием тома римской цифрой, а страниц – арабской.

³ Литературная мысль: альманах. Пг.: Мысль, 1922. Кн. 1. С. 198.

широком и лучшем смысле этого слова»⁴, а сам Тургенев указывал на генетическую связь с «либерализмом эпохи 40-х годов», с «либерализмом старого покроя» (С. XV, 58, 185). То, какая просветительская идея лежит в основе романа «Новь» и почему писатель считал, что «“Новь” не кончена», что сюжетные «нити оборваны» (чего «не заметили»)»⁵, можно установить лишь на основе данных внутреннего контекста литературной деятельности писателя. В этом плане открывается перспектива формирования идейного замысла романа и планы писателя на его «продолжение»⁶.

В романе «Новь» о своих «либеральных убеждениях», предполагающих «прогрессивность», «гуманность», близость к славянофильству, заявляет Сипягин (С. XII, 25, 56, 58). В этом усматривается не только авторская интенция, связанная с сатирическими установками в изображении противоречий между словом и делом персонажа, но и эклектизм самой либеральной идеологии. Философская концепция социального эволюционизма Тургенева, воплощенная в романе, идентифицируется при *дифференциации демократического и либерального просветительства*. Это необходимо потому, что Тургенев в конце 1870-х – начале 1880-х годов последовательно отмежевывался от «либеральной партии»⁷. Анализ романа «Новь» в корреляциях с небеллетристическими текстами писателя 1870-х – начала 1880-х годов позволяет идентифицировать течение демократического просветительства в истории общественной мысли России второй половины XIX века, реализацией идейных принципов которого стала социокультурная программа эволюционизма («постепеновства снизу»), репрезентированная в романе «Новь». Ее писатель активно отстаивал в 1870-е – в начале 1880-х годов в качестве альтернативы теории и практике революционного народничества. У Тургенева в условиях очевидного кризиса «хождения в народ» революционеров-семидесятников концепция «постепеновства снизу» наполнялась конкретным содержанием – утверждением исторической роли «скромной деятельности» «серых», «простых», «народных людей», «народных слуг» (С. XII, 298–299; П. X, 295–296), которая рассматривалась

⁴ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 388; Т. 2. С. 162.

⁵ Там же. Т. 1. С. 420.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 362–363.

не как универсальное, а как исторически обусловленное средство «постепенного развития». Такая концепция основывалась на идее преемственных связей демократического просветительства 1840-х годов и социальных программ прогрессивной молодежи нового времени. С так называемым «дворянским либерализмом» 1850-х – 1870-х годов писатель сближался в утверждении прав личности, отрицании крепостного права, в признании необходимости изменений в сфере законодательства в целях постепенного социального прогресса. Но отличало его от дворянского либерализма отношение к проблемам народной жизни, поскольку идеологи этого течения общественной мысли не шли так далеко, как Тургенев и его единомышленники (Л. А. Полонский и др.), в признании роли инициатив самого народа, его самодостаточности и необходимости участия в управлении общественными делами. Состояние общественной жизни России двух пореформенных десятилетий убеждало Тургенева в том, что «молодое поколение», воспринимая идеалы и развивая традиции «людей “сороковых годов”», «поступает согласно с высказанным» этим поколением «воззрением» и «продолжает начатое дело», осуществляемое усилиями «человека, способного на простое, честное дело»⁸. В статьях, речах, открытых письмах как публицистических параллелях к роману «Новь» фиксируются типологические связи теоретиков реформаторского народничества 1880-х – 1890-х годов с демократическим просветительством 1840-х – начала 1880-х годов и тургеневской программой социального эволюционизма. Это, по мнению Тургенева, та «почва», на которой поколения «отцов и детей» «могли сойтись», оказывая «деятельную помощь» народу в новых исторических условиях. На этой «почве» в романе «Новь» действует «постепеновец снизу» Соломин. Солидаризируясь с представителями либерального просветительства в идее «мирного обновления России», автор «Нови», в отличие от «близких ему» по журналу «Вестник Европы» идеологов умеренно-монархической буржуазии (М. М. Стасюлевич, К. К. Арсеньев, М. М. Ковалевский и др.), ратовавших за «буржуазный прогресс страны под властью самодер-

⁸ «У нас все или герои или тряпки. Но пора бы народиться среднему типу – человека, способного на простое, честное дело. Нужда в таком человеке великая, и будущее принадлежит ему», – писал, например, идеолог народников-культурников Я. В. Абрамов (<Абрамов Я. В.> Стоит ли работать в деревне? // Неделя. 1885. № 41. Стб. 1412).

жавия», разделявших политические идеалы конституционной монархии⁹, надежд на «реформы сверху» не возлагал¹⁰. «Постепеновство» Тургенева предполагало системную, «кропотливую работу» в условиях укрепления буржуазных отношений, которая бы обеспечивала прогрессивное развитие всех сторон общественной, народной жизни – экономики, культуры, образования, науки, социальной сферы, медицины, государственного устройства, законодательства и т. д. Во имя этого Тургенев призывал «служить великому делу просвещения» (П. XI, 34), поскольку был глубоко убежден в том, что «где нет движения мысли, там нет и прогресса»¹¹. От представителей «земского либерализма» самых разных политических ориентаций – умеренно-либеральной, консервативно-славянофильской, монархической, конституционалистской – писатель отличался именно своим демократизмом. Если традицией просветительского либерализма предусматривалось «постепеновство *сверху*», то традицией демократического просветительства – «постепеновство *снизу*». Социально-философская концепция эволюционного развития Тургенева основывалась на противопоставлении скачкообразно-революционному типу общественных преобразований эволюционно-постепенного, предполагающего широкую просветительскую, культуротворческую деятельность и целесообразное совершенствование всех составляющих современного строя, уклада жизни. Именно в такой парадигме могла быть продолжена работа над романом «Новь», в котором бы показывались тенденции преобразований в «безымянной Руси». Русская история не предоставила «партии» «постепеновцев снизу» шанса для реализации ее программы. Но философско-социологическое и художественное наследие Тургенева и других представителей демократического просветительства является феноменом отечественной интеллектуальной истории, который необычайно актуализируется в условиях современной реставрации капитализма и неизбежных в этих условиях исканий иных путей культурного, нравственного, общественно-экономического развития страны во имя утверждения идеалов гуманизма и социальной справедливости.

⁹ Алафаев А. А. Русский либерализм на рубеже 70-х—80-х годов XIX века: Из истории журнала «Вестник Европы». М.: Институт истории СССР АН СССР, 1991. С. 171.

¹⁰ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 379.

¹¹ Там же. С. 464.

ТУРГЕНЕВСКАЯ ПРОЗА В КРИТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ ЛЬВА ТОЛСТОГО: ЛОГИКА ПРЕФЕРЕНЦИЙ

А. Г. Гродецкая

1. Сложная история взаимоотношений Толстого и Тургенева, включая ссору, прервавшую их общение на 17 лет, подробно изучена, достаточно глубоко исследована и природа их идейно-эстетических сближений и расхождений (см., помимо классических биографических работ, исследования Г. Б. Курляндской, Н. П. Лощина, Л. Д. Громовой-Опульской и др.). Вместе с тем восприятие Толстым литературных взглядов и художественных принципов старшего современника остается перспективным для дальнейшего изучения, в особенности с учетом противоречивости его суждений, специфики критериев оценки литературных текстов и особой логики предпочтений или умолчаний. Краткие замечания Толстого в Дневнике и более пространные в переписке, записях собеседников и мемуаристов отмечены характерной для него резкой субъективностью, пристрастностью, полемичностью, питаемой, как правило, личным отношением к Тургеневу. Его оценки по преимуществу выходят за грань эстетики – в область психологии, морали, общего жизненного и творческого целеполагания.
2. При всей известной противоречивости толстовских высказываний в них есть последовательность: так, он очевидно предпочитал тургеневскую малую прозу его романам, оставив их почти без внимания, среди его произведений неизменно выделял, любя их, «Записки охотника», повести «Затишье», «Ася», статью «Гамлет и Дон-Кихот», лирико-философскую исповедь «Довольно». Более того, в противоречивых оценках Толстого начала и концы оказываются «сведенными». После смерти Тургенева, которую он тяжело переживал, осенью 1883 года Толстой «начал усиленно перечитывать всего Тургенева» (И. Л. Толстой), главным образом, имевшееся в яснополянской библиотеке его последнее прижизненное 10-томное Собрание сочинений (1880)¹, сознавая необходимость переосмысления

¹ См.: *Архангельская Т. Н.* Л. Н. Толстой за чтением сочинений И. С. Тургенева в издании 1880 г. (По материалам библиотеки Л. Н. Толстого в Ясной Поляне) // *Спасский вестник.* 2003. № 10. С. 119–132.

как своих с ним отношений, так и значения Тургенева для истории русской культуры. К этому и более позднему времени относится ряд итоговых суждений Толстого: «Тургенев – хороший человек, огромный ум, гуманный...» (запись Г. А. Русанова); «Это был независимый, до конца жизни, пытливый ум <...>. Это был истинный, самостоятельный художник, не унижавшийся до сознательного служения мимолетным потребам минуты. Он мог заблуждаться, но и самые его заблуждения были искренними» (запись Г. П. Данилевского).

Среди замыслов Толстого 1883 года – речь в Обществе любителей российской словесности, запрещенная цензурой и несохранившаяся, и оставшаяся ненаписанной статья о Тургеневе². Основные положения Тургеневской речи Толстого реконструируются на основании его письма к А. Н. Пыпину от 10 января 1884 года.

Главное в высказываниях Толстого после 1883 года – признание «искренности», «правдивости» Тургенева, мысль, опровергающая его широко известные обвинения Тургенева в склонности к «фразе», в «неискренности», «холодности». Суждения Толстого о тургеневской прозе 1850-х годов (например, о «Дневнике лишнего человека»: «Ужасно приторно, кокетливо, умно и игриво» – 47, 73) отразили его идейно-эстетические разногласия и с Тургеневым, и с кругом «Современника», и с «бесценным триумvirатом» (Дружинин, Анненков, Боткин), противостояние любого рода культурной условности и условности литературной (борьба с «фразой» и проч.). Согласно известной формуле Б. М. Эйхенбаума, «Толстой идет к литературе так, как будто ее еще никогда не было <...>»³.

«В Тургеневе, – свидетельствовал П. В. Анненков, – он <Толстой> распознал многосторонний ум и наклонность к эффекту – последнее особенно раздражало его, так как искание жизненной правды и простоты и *здравомысленности* существования составляло и тогда идеал в его мыслях. Он находил подтверждение своего мнения о Тургеневе даже в физиологических его особенностях и утверждал, например, что он имеет фразистые ляжки»⁴.

² См.: Громов В. А. К истории запрещения речи Л. Н. Толстого об И. С. Тургеневе // Яснополянский сборник. 1988. Тула, 1988. С. 43–53.

³ Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 166.

⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 375.

3. Как в своих поздних оценках и неосуществленных литературно-критических замыслах, так и в пометах в текстах при чтении «всего Тургенева» в 1883 году, Толстой неизменно обращался к тем его произведениям 1850–1860-х годов, которые выделил сразу, при первом чтении. В 1856 году Толстой покупает и читает трехчастное издание «Повестей и рассказов» Тургенева, в котором выделяет «Андрея Колосова», «Затишье», «Двух приятелей». Издание он отсылает 9 ноября Валерии Арсеньевой, которой был тогда увлечен, со словами: «...по-моему, почти всё прелестно <...>» (60, 104)⁵, однако 10 ноября записывает в Дневнике: «Прочел все повести Тургенева. Плохо» (47, 99).

В разные годы полярно противоположными были толстовские оценки тургеневского «Довольно» (1865), большой интерес представляют мотивы многократного обращения Толстого к этому тексту.

4. Особое место среди пристрастий Толстого занимает тургеневский «Фауст» (1856), известно его признание: «Я всегда говорю: чтобы понять Тургенева, нужно последовательно читать “Фауста”» (запись В. Ф. Лазурского). Неизменным было и внимание Толстого к повести «Затишье» (1854), в «Воскресении» (1899) ее читательницей и горячей поклонницей предстает Катюша Маслова. Глубокий след в творческом сознании Толстого оставила статья «Гамлет и Дон-Кихот» (1860), свидетелем начального этапа работы над которой он стал в Дижоне в феврале 1857 года.

5. Критическими отзывами о романах «Накануне» и «Дым» (в письмах к Фету от 23 февраля 1860 г. и от 28 июня 1867 г.) исчерпываются высказывания Толстого о тургеневских романах. Признав, что «Накануне» «много лучше “Дв<орянского> гнезда”», Толстой пришел к выводу, что автор принадлежит к числу людей, «которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни». У «одержимого хандрою и диспепсией» Тургенева есть «отрицательные лица превосходные – художник и отец. Другие же не только не типы, но даже замысел их, положение их не типическое, или уж они совсем пошлы». «Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, – добавлял Толстой, – как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже до приемов. – Больше всего этой банальности в отрицательных

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1949. Т. 60. С. 104. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы.

приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет» (60, 324–325). Близка процитированной и толстовская оценка «Дыма». В «Дыме», по его словам, «нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодеянию легкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна». Существенно уточнение: «Я боюсь только высказывать это мнение, потому что я не могу трезво смотреть на автора, личность <оторого> не люблю <...>» (61, 172). Об «Отцах и детях» сохранилось единственное позднее высказывание Толстого в записи Д. П. Маковицкого, в романе он не принял того, что в поздние годы отрицал в любом романе как условной литературной форме: «...там любовь Базарова к женщине излишня. Писано по шаблону, что в каждом романе должна быть любовь»⁶.

И. С. ТУРГЕНЕВ В 1875 ГОДУ ГЛАЗАМИ И. А. ГОНЧАРОВА

С. В. Денисенко

В декабре 1875 года И. А. Гончаров приступает к написанию своей «Необыкновенной истории», центральным персонажем которой становится И. С. Тургенев. Мы попытаемся понять, что послужило поводом, непосредственным толчком к вербализации давно копившихся эмоций в отношении Тургенева, что привлекло внимание мнительного Гончарова и заставило его взяться за перо.

В январе 1875 года Тургенев предлагает М. М. Стасюлевичу сотрудничество в «Вестнике Европы» Э. Золя, и вскоре начинается публикация «Парижских писем». Гончаров считает Золя эмиссаром Тургенева и неоднократно пристрастно обращается к его публикациям.

В Париже выходит книга С. Куррьера «Histoire de la littérature contemporaine en Russie». Внимание французского автора привлекает прежде всего Тургенев, которого он считает «главой "на-

⁶ Лит. наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 2. С. 526.

туральной школы” в России», к этой же школе он причисляет и Гончарова.

Выходит в свет книга С. А. Венгерова в двух частях «Русская литература в ее современных представителях: Иван Сергеевич Тургенев» (СПб., 1875).

Стасюлевич ведет переговоры с Тургеневым о помещении предисловия последнего к «Даче на Рейне» Б. Ауэрбаха в новом отдельном издании романа.

В № 11 (ноябрь) «Вестника Европы» было напечатано «Письмо к редактору по поводу смерти гр. А. К. Толстого» за подписью: «Ив. Тургенев».

В декабрьском номере «Вестника Европы» было помещено редакторское объявление о получении рассказа Тургенева «Часы».

И, как представляется, самым мощным толчком для Гончарова в его желании взяться за написание «Необыкновенной истории» стали готовящиеся (но не состоявшиеся) в конце 1875 года торжества по поводу сорокалетней литературной деятельности Тургенева.

ТУРГЕНЕВ И СИБИРСКАЯ ПЕРИОДИКА НАЧАЛА 1880-х ГОДОВ

В. А. Доманский

В научных исследованиях о Тургеневе малоизученным является факт его знакомства с сибирскими литераторами, а также публикация сочинений и материалов о его творчестве на страницах сибирских периодических изданий. Сохранились воспоминания современников писателя о двух встречах русского писателя в феврале 1880 года с редакционным кружком журнала «Русское богатство»: Н. Н. Златовратским, С. Н. Кривенко, Г. И. Успенским, Н. С. Русановым¹. Были среди собеседников Тургенева и сибиряки: писатель-народник Н. И. Наумов

¹ И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собр. и коммент. М. К. Клеман; Ред. и введ. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1930. С. 224–232, 268–283, 289–297, 301–303.

и, очевидно, И. В. Федоров-Омулевский, который только что вернулся из Иркутска в Петербург. О последнем не упоминают авторы воспоминаний, которые присутствовали на этой встрече (Кривенко, Русанов, Златовратский). Нужно заметить, что они вообще стараются не называть фамилии участников встречи по цензурным соображениям, тем более что Федоров-Омулевский в 1870-е годы за свои антиправительственные высказывания подвергался репрессиям (несколько месяцев провел в Петропавловской крепости и Литовском замке).

Первая встреча состоялась на квартире Г. И. Успенского, с которым Тургенев познакомился ранее и за творчеством которого он внимательно следил. В это время Успенский проживал в доме Кавоса, расположенном по Столярному переулку, 6. Следующая встреча, видимо по инициативе Г. И. Успенского и сибиряков, произошла в доме их земляка, известного мецената К. М. Сибирцева (ул. Сергиевская; ныне – Чайковского). Сибирцев оказывал материальную помощь сибирякам, поддерживал Г. И. Успенского, который даже некоторое время жил в его резиденции Сколково.

Для сибирских литераторов Тургенев был знаковой фигурой. Близкие по своим политическим взглядам к народничеству, они видели в авторе «Записок охотника» народного заступника и очень огорчались, если его произведения не соответствовали их представлениям о том, какой должна быть литература и журналистика, служащая на благо обществу. Именно такую цель они преследовали, основывая сибирскую демократическую периодическую печать (с 1881 года стала издаваться «Сибирская газета», а с 1882 года – «Восточное обозрение»), сыгравшую огромную роль в самоидентификации сибиряков и областничества. При отсутствии в Сибири литературных журналов и альманахов (они появляются только в начале XX века) газеты фактически выполняли их функции. Несмотря на то, что в них главное внимание уделяется местным событиям, их обзору и анализу, периодические издания живо реагируют на общероссийские и иностранные события, практически в каждом номере помещая перепечатки из центральных газет. Важное место в сибирской периодике занимал раздел литературного фельетона и рубрика, посвященная обзору литературных новинок. Как раз в этом разделе впервые появляются материалы, посвященные творчеству Тургенева.

Сибирские литераторы высоко оценивают значение Тургенева для отечественной литературы и культуры, считают его выдающимся писателем-современником, однако его заслуги перед российским читателем видят больше в прошлом, подвергая критике произведения последних лет. Так, в «Сибирской газете» (1882. 28 февраля. № 9), в рубрике «Литературные заметки», помещен отзыв на рассказ Тургенева «Отчаянный», опубликованный в «Вестнике Европы». Его авторство, видимо, принадлежит негласному редактору газеты Ф. В. Волховскому, соратнику Г. А. Лопатина, П. Л. Лаврова и Д. А. Клеменца, сосланному по «делу 193-х» в Сибирь. Именно Волховский ввел эту рубрику, писал театральные и литературные обзоры.

Автор отзыва подчеркивает несомненные достоинства Тургенева-художника, отмечая, что его рассказы «хорошо написаны и читаются с большим удовольствием». Вместе с тем для революционно-демократической по своему духу «Сибирской газеты» главным достоинством художественного произведения является его идейная направленность, связанная с осуждением социальных пороков, пробуждением самосознания народа и воспеванием гражданского подвига, что демонстрировал в своем творчестве и журналистской деятельности Ф. В. Волховский². Вот почему так критически со своих идеологических позиций оценивает автор отзыва рассказ Тургенева «Отчаянный»: «Все это старо, ни одного нового живого слова, которое шевелило бы ум и волновало сердце читателя! Вы не чувствуете уже того жгучего интереса, который пробуждался каждой новой вещью тех же авторов тридцать пять лет назад. Остается впечатление превосходной манеры изобразительного мастерства, но нет ни прежних образов, ни прежнего возбуждающего содержания». И все же нужно отдать должное такту автора, завершает он свое рассуждение следующей мыслью: «Не в упрек говорим мы это: время – неумолимый сокрушитель всего живого – и не падит, к сожалению, и первоклассных талантов».

Свои критические замечания в адрес Тургенева высказывает также автор «Литературной смеси» в «Сибирской газете» от 16 мая 1882 года по поводу вышедшей в печати повести Тургенева «Песнь торжествующей любви», которая, по мнению рецензен-

² Доманский В. А. Ф. В. Волховский — негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 147–166.

та, мало интересна сибирскому читателю, так как не ставит вопросы и не ищет ответа на «проклятые вопросы» жизни. Именно этими достоинствами, как он полагает, отличаются произведения нового поколения литераторов: «Другое дело – молодые беллетристы – Глеб Успенский и Н. Златовратский: все их повести и рассказы из народного быта полны задушевности, теплоты и искренности, и они проникнуты той художественной правдивостью, какая дается только недюжинным дарованиям». Очевидно, автором данной рецензии был Н. И. Наумов, постоянный сотрудник газеты и участник упоминаемых выше встреч с Тургеневым, называвший свои произведения повестями и рассказами из народного быта.

Сибирские газеты отслеживали публикации в русской периодической печати о жизни и творчестве Тургенева, публиковали материалы о поддержке Тургеневым студенческой молодежи и с глубокой тревогой сообщали об ухудшающемся здоровье писателя³.

С неподдельным чувством скорби отозвались сибирские газеты на известие о смерти Тургенева. Свои некрологи опубликовала «Сибирская газета» (28 августа. № 35) и «Восточное обозрение» (1 сентября. № 35). В последнем отмечалось: «Сибирь, с ее образованным сословием, не остается чужда общему выражению чувств. Телеграммы приносят известия о панихидах, совершаемых в различных сибирских городах. Сибирское общество знакомо не менее всей остальной России с трудом и литературными заслугами этого писателя. Для нашей родины также наступает время отдавать должную дань человеческому уму и таланту». В некрологе было также высказано предложение об основании стипендии И. С. Тургенева при сибирском университете.

Автор некролога также заверял своих читателей, что Сибирь положит свой венок «из северных цветов своих на могилу Тургенева». И действительно такой венок был возложен на могилу русского писателя во время его похорон на Волковском кладбище, о чем сообщала «Сибирская газета» 6 ноября 1883 года: «Наш венок состоял из густой кедровой зелени, усыпанной иммортелями и цветами, внутри находился венок из веток с надписью серебряными буквами на черном бархате: “Сибирская печать”».

³ Восточное обозрение. 18 августа. № 33.

ДВЕ ПИАНИСТКИ – ДВА КОМПОЗИТОРА (Моцарт и Бетховен)

Н. Г. Жекулин

Тема «Тургенев и музыка» далеко не новая. Давно известно, что Тургенев искренне любил серьезную музыку, нуждался в ней. Также известно, что музыка играет существенную, иногда даже ключевую роль во многих его произведениях. В некоторых музыка фигурирует уже в названии (например, «Певцы», «Песнь торжествующей любви»). В других она служит важным приемом для характеристики героев. В этом докладе обращается внимание на особый случай в творчестве Тургенева. В романе «Отцы и дети» Катя Локтева играет произведение Моцарта, а в повести «Несчастливая» главная героиня Сусанна играет Бетховена. Оба эпизода на первый взгляд второстепенной важности, однако Тургенев не только описывает, как они играют, но и уточняет, какое конкретное произведение они исполняют, выделяя даже точный фрагмент в каждом произведении. Исходя из такой редкой детализации, мы намерены проследить роль этих эпизодов в данных произведениях на фоне общей темы музыки в творчестве Тургенева.

И. С. ТУРГЕНЕВ. ПЕРЕВОДЫ (э-издание)

Н. Г. Жекулин

В 2009 году группа тургеноведов Университета Калгари (Канада) и ИРЛИ РАН при финансовой поддержке Совета для общественных и гуманитарных наук Канады приступила к осуществлению проекта по изданию переводов, в которых И. С. Тургенев принимал непосредственное участие. В данном выступлении будет

сообщено о различных этапах, о практических и теоретических вопросах, с которыми пришлось столкнуться и решить во время работы над проектом. Особо предполагается остановиться, в частности, на составлении общей библиографии переводов и их поисках, на текстологических вопросах, связанных с установлением источников, которыми пользовался Тургенев, и с орфографическими проблемами, которые были обусловлены этими источниками, а также на том, как следует оформлять тексты для издания в электронном виде. Предварительные результаты этих решений будут продемонстрированы.

СУНДУЧОК ВАРВАРЫ ПЕТРОВНЫ

(«Опись гардеробу и сундуку В. П. Тургеневой» как источник для воссоздания быта в семье писателя в 1840-е годы)

С. Л. Жидкова

Доклад представляет собой опыт комментария недавно прочитанной «Описи гардеробу, белью и прочему ея Высокоблагородия Госпожи Варвары Петровны Тургеневой, учиненной 1-го января 1843 года, имеющимися на ответственности у Авдотьи Кирилловой, и Сундуку при гардеробе госпожи <...> на 1-е число июля... 1848 года»¹. Перечень носильных вещей, бывших в употреблении в доме Тургеневых, особые пометы при них позволяют ярче представить быт в родовом гнезде писателя, материальное положение семьи, пролить свет на характер отношений обитателей дома, наконец, уточнить некоторые имена, подробности биографического плана.

В документе отразился, как в капле воды, уклад Спасского дома при жизни В. П. Тургеневой, которая во всем любила порядок. Эту черту она унаследовала от своего дяди, основателя спасской усадьбы И. И. Лутовинова. Тургенев не оставил без внимания эту особенность семейного быта, сатирически изобразив «прожекты» и

¹ОГЛИМТ. Ф. 3. № 301 оф., 302 оф.

распоряжения матери в главе «Собственная господская контора» из незавершенного романа «Два поколения».

Гардероб в городском доме в известной мере являлся фасадом родовой дворянской фамилии, должен был свидетельствовать о достатке и вкусах домочадцев. «Опись гардеробу и сундуку» прежде всего поражает богатством и разнообразием предметов одежды. Документ подтверждает свидетельства мемуаристов о пристрастии владелицы к туалетам, дорогим тканям, вниманию к модным деталям, о ее желании в любых обстоятельствах быть всегда одетой «по моде и к лицу». Гардероб В. П. Тургеневой позволяет сделать вывод, что перед нами действительно богатая и знатная госпожа. Некоторые вещи были особенно дороги хозяйке, ибо напоминали ей о счастливых днях ее жизни. Таким напоминанием были, например, парадные платья Julle Musion, украшенные бусами, в которых она танцевала на балах в Париже.

В Описи находит подтверждение особое положение в доме Тургеневых «хранительницы гардеробу и сундуку» Авдотьи Кирилловны Тоболевой (в замуж. Лобанова), наиболее преданной Варваре Петровне горничной. Об этом свидетельствует, между прочим, тот факт, что ее приданое было справлено за счет В. П. Тургеневой, а в Описи не раз упоминаются подарки, полученные ею от госпожи: то белый капот с декосовой (т. е. батистовой) прошивкой, то розовый прозрачный шарф.

Привилегированное положение в тургеневском доме занимала семья домашнего доктора А. Е. Берса: от него в некотором роде зависело здоровье семьи. Варвара Петровна не оставляет вниманием ни самого доктора, ни его жены, ни его маленьких дочерей. Видимо, с того времени сложились дружеские отношения девочек Берсов и будущего писателя.

Особого рода отношения связывали хозяйку усадьбы с ее компаньонкой, небогатой дворянкой В. Н. Колонтаевой, оставившей «Воспоминания о селе Спасском»². Как сообщает Опись, Колонтаева не только получает подарки от госпожи, но и сама преподносит ей собственное рукоделие: «Кабу» (сумку) «гарусную коричневым бархатом отделанную».

Значительную роль в доме Тургеневых играл деверь Варвары Петровны – Н. Н. Тургенев, любимый дядя будущего писателя. Его присутствие в доме создавало иллюзию защищенности. Поэтому го-

² Исторический вестник. 1885. № 10. С. 41–65.

спожа не скупилась на подарки ни ему, ни его внебрачной дочери Анне, которой шились нарядные сарафаны «из синей тафты и пунцового полутерно (нечто вроде кашемира. – С. Ж.), обшитого мишурным позументом». Однако ни разу в Описи не упоминается имя родной внучки Варвары Петровны от сына Ивана – Пелагеи, которой, как видно, подарков не доставалось. Эта деталь лишь подчеркивает капризный и мстительный нрав матери писателя. Милости по отношению к деверю прекращаются, когда он вздумал жениться на компаньонке Варвары Петровны Е. С. Белокопытовой. Отныне они изгоняются из Спасского, как их имена со страниц Описи.

Документы позволяют уточнить имя еще одной обитательницы тургеневского дома – гувернантки В. Н. Богданович англичанки мисс Блэквуд. В описи значится: «англичанке Марьяне Самойловне пожалован чепчик тюлевый с лиловыми газовыми лентами».

Особенно богатыми и разнообразными были платья из гардероба В. Н. Богданович, приемной дочери хозяйки. В своих воспоминаниях В. Н. Житова (Богданович) не преминула заметить, что она «пользовалась всеми удобствами, всею роскошью, а ее (т. е. Варвары Петровны. – С. Ж.) родные дети <...> только что не в нищете». Тем не менее время от времени подарки (одежда) посылались и сыновьям в столицу, дабы они выглядели достойно на службе и дома.

«Опись гардеробу и сундуку» представляет собой памятник эпохи, сложившегося уклада богатой дворянской усадьбы. Недаром И. С. Тургенев, летописец дворянских гнезд, не раз обращался в своем творчестве к подробностям этого быта, в том числе к предметам одежды, прекрасным знатоком которой он был.

ОППОЗИЦИЯ ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ В МИРОСОЗЕРЦАНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ТУРГЕНЕВА И ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Т. В. Иванова

Сближение писателя XIX века Ивана Тургенева, «гения меры»,
и поэта XX века, «первого поэта русской эмиграции» Георгия

Иванова предполагает не столько исследование творческого взаимодействия, сколько, в первую очередь, осмысление общности их мирозерцания, мировосприятия. Возможность такого сопоставления правомерна, она позволяет выявить значимые точки соприкосновения, пересечения с философскими и эстетическими концепциями своего времени, показать преемственность и возможность дальнейшего исследования этой оппозиции, весьма значимой для второй половины – конца XX – начала XXI веков.

Объект нашего исследования в заданном ракурсе, с одной стороны, – избранные рассказы Тургенева из книги «Записки охотника», отдельные повести 1850-х годов, страницы романов писателя, «таинственные повести» и некоторые стихотворения в прозе; с другой – поэтические книги Георгия Иванова «Лампада» (1922; 2-е изд. 1923), «Вереск» (1916; 2-е изд. 1923) и др. Объединяет Тургенева и Иванова стремление к циклизации.

Наша задача – обнаружить в литературном пространстве произведений классика XIX века и писателя XX столетия те составляющие, через которые происходит возникновение новых смыслов.

Избранная оппозиция жизнь / смерть одна из возможных в этой всеобъемлющей теме (в работе остановимся лишь на некоторых аспектах – сущностное наполнение категорий жизнь / смерть; любовь, искусство и действительность).

Обозначенная тема обусловлена в определенной степени фактами биографии: судьба «добровольного» эмигранта, «русского европейца» И. С. Тургенева и вынужденного эмигранта Г. В. Иванова, т. е. жизнь и творчество в отрыве от сферы «родного» и постижение сферы «чужого», в том числе сферы нескольких языков. И творчество Тургенева, и лирика Георгия Иванова – свидетельство укорененности в сферу родного языка.

Георгий Иванов – цитатный поэт, ориентированный на мировую и в большей степени на русскую литературу, свидетельство тому частотный словарь слов его поэзии. Имя Тургенева среди его поэтических пристрастий, на первый взгляд, не принадлежит к числу первостепенных, если иметь в виду поэтическое цитирование, к которому столь склонен поэт.

Возможность сближения автора эпической прозы и лирического поэта определяет лирико-философское начало; синтез соответствий формы, звука, запаха, цвета – отличительная особенность их художественного мира и поэтики.

Смысл понятий жизнь / смерть в творчестве Тургенева и Иванова сродни толстовской идее: «Смерть, как и рождение, – неперемное условие жизни. Если жизнь – благо, то и смерть, составляющая необходимое условие жизни, должна быть благом» (Л. Н. Толстой). Универсальный характер категорий жизнь – смерть, их неразрывное единство имеют многомерное наполнение и характеристики. Проблема укорененности человека в жизни на земле (земля и ее красота, труд, очарованность красотой божьего мира, нравственные понятия: семья, жизнь по совести) – основополагающая в «Записках охотника» и итоговая квинтэссенция жизненной философии в цикле «Стихотворения в прозе»; одновременно она определяет один из важных архетипов национального сознания – мысль о спасении души.

Поэзия Георгия Иванова своими генетическими корнями произрастает из русской классики, двойственность заявленной оппозиции объясняется двумя хронотопами, присутствующими в его лирике, – петербургским и эмигрантским: отсутствие болезненного взгляда на мир и человека в начале творческого пути и полный трагической безысходности мир поэта в эмиграции, чудовищность личной судьбы («распроклятая судьба эмигранта»).

Сквозной мотивов поэзии эмигрантского периода – ностальгическая память об утраченном космосе русской жизни, о потерянной России и жизни в ней, трагичность нарастает от книги к книге. Раз и навсегда потерянная жизнь находит многообразное воплощение, в том числе и обращением к имени Тургенева, которому казалась «жизнь стихотворением, музыкой, пастелью, где не грея светит мировая слава». Предопределенная хрупкость и конечность бытия, осознание которых делает экзистенциальное мировоззрение поэта, по наблюдениям В. Заманской и других исследователей, сверхтрагичным; отсюда мотивы одиночества, враждебности или равнодушия к человеку окружающего мира, противоречивость сознания лирического героя.

Однако мотиву безысходности в его поэзии противостоит, на наш взгляд, главное – любовь как всепобеждающая сила и осознание, что жизнь кончается, а смерть – лишь этап жизни, он уверен, что ему обещано «Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами».

Не случайно появление цикла с обжигающим названием «Посмертный дневник» (1958), ключевое стихотворение которого «Александр Сергеевич, я о вас скучаю».

Понимание природы любви – возвышенное отношение к женщине (отсутствие животного начала), умение любить и чувствовать себя любящим сближает мирозерцание художников. Для Тургенева любящий – высшее проявление человека; образ идеальной возлюбленной воссоздан во всех книгах Георгия Иванова; трактуют они любовь и как путь к творчеству, наполненному ощущением радости бытия.

Имя Пушкина, кодовый знак русской культуры, русской жизни, высшее воплощение гармонического начала, умение проникать в дух различных культур и эпох – знаковое в творчестве Тургенева и Иванова. Общность эстетического кредо в вопросах пути художника, предназначении искусства, возможности его воздействия на природу человека.

Творчество Тургенева и Георгия Иванова, о чем свидетельствует время, выполнило задачи, обусловленные сферой «чужой» жизни и культуры: первостепенна и неоценима просветительно-пропагандистская роль Тургенева в продвижении русской литературы в Западной Европе; миссия «изгнанника» – поэта первой волны русской эмиграции была выполнена в плане сохранения русской культуры и литературы в инобытии, где поэт, в отличие от поэта-пророка в России, – только философ мироощущений.

Наши наблюдения над оппозицией жизнь / смерть в творчестве Тургенева и Георгия Иванова позволяют говорить о глубинных связях в мирозерцании этих писателей, которые, в свою очередь, помогают сегодня понять истинные ценности в человеческом бытии и характере, становятся нравственным ориентиром, прозрением-предупреждением человеку XXI столетия.

В ТУРГЕНЕВСКИЕ ДНИ 1918 ГОДА (по страницам журнала «Бирюч»)

С. А. Ипатова

Столетие со дня рождения Тургенева пришлось на трагические и сбурные события крушения прежних устоев и строительства но-

вой жизни; несмотря на царящие в стране революционную разруху, военное положение, гражданскую войну и голод, юбилейная дата широко отмечалась и в Москве, и в Петрограде, и в Архангельске, оккупированном войсками Антанты. Тургеневское торжество совпало с первой годовщиной Октябрьского переворота и обрело, таким образом, особые коннотации. Очевидец вспоминал: «Багровое, в дыму вставало солнце социалистического строительства. Шел восемнадцатый год. Начались героические времена страшной борьбы и неслыханного напряжения. И в эти грозные дни, дни железа, крови и огня не была, однако, забыта 100-летняя годовщина со дня рождения Тургенева. Не только не забыта, но отмечена с особой любовью и тонким, нежным вниманием»; эти «большие Тургеневские дни, напомнившие кое-кому из могилок Пушкинские дни 80-х годов, прошли под определенным лозунгом возвращения к Тургеневу»¹. В эти шумные дни борьбы, говорилось в одной из юбилейных статей ноября 1918 года, «грустным звуком нежной струны» звучали «тихие Тургеневские дни»; писатель жил «в мрачную эпоху крепостничества» и был одним «из первых борцов за освобождение народа, барин, понявший в рабе-мужике человека и брата»; и «мы, осудившие, отвергшие и проклявшие позор прошлого, все же умеем без злобы чувствовать грустную прелесть тургеневских образов»².

Начиная с 10 ноября в Петрограде, недавней столице России, в память о писателе едва ли не каждый день на протяжении нескольких недель проходили юбилейные акции: научные заседания, лекции, музыкальные вечера, спектакли и инсценировки; в Книжной Палате была организована Тургеневская выставка, ставшая событием в культурной жизни Петрограда; состоялось несколько издательских проектов (среди которых монументальный сборник «Тургенев и Савина: Письма, воспоминания» и др.); возникла и вскоре была реализована идея создания Тургеневского общества, целью которого стало всестороннее изучение жизни и творчества писателя. Все юбилейные события подробно освещались периодической печатью, особенно подробно советским театральным журналом

¹ Н. К. Тургенев и мы (К 40-летию со дня его смерти) // Сибирские огни. 1923. Сентябрь—декабрь. № 5–6. С. 244.

² Урванцев Н. Н. В Тургеневские дни // Бирюч. 1918. 9–15 ноября. № 2. С. 37.

Петроградских государственных театров «Бирюч». «Несмотря на то, – писал хроникер журнала И. С. Розенберг, – что политика как бы заслонила» и «уничтожила интерес ко всему, не имеющему к ней прямого отношения, все же столетие со дня рождения незабвенного писателя» превратилось «в настоящий культурный праздник»³.

Парадный характер носил воскресный день 10 ноября 1918 года. В 12 часов в Александринском театре началось торжественное заседание, на котором присутствовали представители Академии наук, Литературного фонда, различных учебных и культурно-просветительских учреждений; заседание завершилось чтением стихотворений в прозе Тургенева (актриса М. А. Ведринская). Вечером того же дня в Александринском театре свой «Реферат о Тургеневе» прочитал А. Ф. Кони, а также был дан спектакль, составленный из тургеневских пьес («Провинциалка», «Завтрак у предводителя»), и инсценировка «Певцов» («Записки охотника»), в которой Ф. И. Шаляпин сыграл роль Яшки и спел знаменитую «Лучинушку». Сбор от спектакля, имевшего огромный успех, составил более 11 тыс. руб.

В Михайловском театре Русской драмы прошел тургеневский утренник для детей – при освещении волшебного фонаря актер Л. С. Вивьен читал рассказ «Муму». На вечере памяти Тургенева, организованном Литфондом (13 ноября в зале Тенишева), выступали: С. А. Венгеров, А. В. Амфитеатров, Ф. Д. Батюшков, артисты Г. Г. Ге, М. А. Ведринская, И. В. Тартаков и др. Несколько днями позже во Дворце искусств (бывший Зимний дворец) при огромном стечении публики исполнялись отрывки из произведений писателя («Накануне», «Месяц в деревне» и др.); большой успех имела музыкальная фантазия «Привидения». Тургеневские вечера прошли в Народном доме («Завтрак у предводителя», «Неосторожность»); в Мастерской Передвижного и Общественного театра, в Лиговском Народном доме (бывший дом графини Паниной) состоялось «Утро памяти Тургенева».

Апофеозом юбилейных торжеств стала открывшаяся 16 декабря 1918 года стараниями С. А. Венгерова (в помещении Книж-

³ См.: И. Р-берг <Розенберг И. С.>. Тургеневские дни (Чем ознаменовано столетие со дня рождения И. С. Тургенева) // Там же. 16–22 декабря. № 7. С. 49.

ной Палаты, Фонтанка, 20) Тургеневская выставка, на устройство которой Комиссариат Народного просвещения заранее выделил 30 тыс. руб. (вход бесплатный). Материалы были представлены Пушкинским Домом, Музеем М. Г. Савиной, Отделом государственных театров, Архивом Комиссариата Народного просвещения; поступили экспонаты и из частных коллекций: Ф. А. Витберга, С. А. Венгерова, А. Ф. Кони и др.⁴ Был составлен каталог выставки.

В рамках юбилейных торжеств, продлившихся до начала следующего года, 31 января 1919 года в Александринском театре по инициативе Книжной Палаты был дан специальный тургеневский спектакль, состоявший из трех одноактных пьес Тургенева.

9 мая 1919 года на квартире А. Ф. Кони (председатель) состоялось собрание, на котором помимо хозяина присутствовали: А. Е. Молчанов, С. А. Венгеров (товарищ председателя), Б. Л. Модзалевский, В. А. Рышков (казначей), Ю. Г. Оксман, Л. С. Утевский (секретарь), А. С. Поляков, М. К. Клеман. На заседании обсуждался устав Тургеневского общества, открытие которого приурочивалось к осени. Решено было направить деятельность Общества на собирание, изучение и издание рукописей Тургенева и эту часть работы тесно связать с деятельностью Пушкинского Дома, об организации в котором Тургеневского отдела начались вести переговоры в апреле 1919 года. Устройство Тургеневского музея стало одной из основных задач Общества. По поручению Общества один из его членов выехал в Орел и Орловскую губернию «для обследования на месте Спасского-Лутовинова» и «составления каталога нового Тургеневского музея в Орле, в который перевезены библиотеки из всех принадлежащих Тургеневу имений».

Отдельную страницу в праздновании Тургеневских дней 1918 года составили насыщенные научными и культурными событиями московские торжества, организованные Обществом любителей российской словесности совместно с Московским университетом, но это отдельная история.

⁴ И. Р-берг <Розенберг И.>. Тургеневские дни. С. 49–52. См. также: Р. — <Розенберг И.>. Тургеневская выставка и театр // Там же. 23–31 января. № 11–12. С. 123–124.

ЭНИГМАТИЧЕСКАЯ ИНТРИГА ОТКРОВЕНИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОСТИ В ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

Ф. Х. Исрапова

Двойкая активность события в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» реализуется в том, что один и тот же рассказчик участвует в двух «событиях рассказывания». Владимир Петрович как *повествующее Я* «рассказывает» (создавая сюжетно-нарративный уровень текста), а Володя как *повествуемое Я* (терминология В. Шмида) «переживает» (осуществляя фабульно-нарративное изображение) одну и ту же историю «первой любви». Сложность такой наррации для читателя состоит в том, чтобы отделить художественное слово сорокалетнего рассказчика от живой речи шестнадцатилетнего влюбленного.

Различие между двумя этими речевыми позициями обусловлено рамочным построением повести. В зачине Владимир Петрович обосновывает свои функции субъекта речи – функции записывания и рассказывания. В ответ на предложение «хозяина» и Сергея Николаевича рассказать «историю своей первой любви» он говорит: «рассказывать я не стану: я не мастер рассказывать; выходит сухо и коротко или пространно и фальшиво. А если позволите, я запишу все, что вспомню, в тетрадку и прочту вам». «Через две недели они опять сошлись, и Владимир Петрович сдержал свое обещание. Вот что стояло в его тетрадке». Володя же вступает в текст повести лишь в первой главе, т. е. в начале «внутреннего» текста («тетрадки»). Таким образом, начало *события рассказывания* предшествует в повести Тургенева началу *рассказанного события* (терминология М. М. Бахтина).

Записанную речь Владимира Петровича отличают глагольные формы типа «хаживал», «видывал», свидетельствующие о том, что описываемые происшествия имели место в давнем прошлом, а также мотив памяти («помню», «помнится») и высказывания типа «у меня была привычка», означающие разрыв между настоящим временем «записывания» и прошедшим временем рассказываемой «истории». Стиль Владимира Петровича характеризует-

ся обилием экспрессивно-поэтических выражений, стремлением к обобщениям и выводам. Устная речь Володи отличается подробными изображениями, свидетельствующими о том, что он смотрит на предметы, вещи и людей вокруг себя и детально их описывает (вид флигеля и лезвие английского ножика, внешность, лица, жесты и одежда персонажей). По мнению Л. Н. Полубояриновой, Володя – типичный тургеневский «вуайёр», т. е. близко здесь и сейчас видящий / подсматривающий молодой человек, живущий в настоящем времени и «соприсутствующий чужому любовному счастью».

При этом и речь Володи, и повествование автора «тетрадки» Владимира Петровича одинаково причастны тому стилю «литературности», о котором говорится в статье Ю. Н. Тынянова «О композиции “Евгения Онегина”». Мы опираемся также и на понятие «готовое слово», имея в виду следующее место из работы А. В. Михайлова «Вильгельм Дильтей и его школа»: «Что же такое это “готовое слово”? Это все литературное – образы, топосы, жанры, стили, формы. <...> Готовое слово <...> есть <...> все то, что существует заранее и заведомо задано поэту и писателю». Преодоление литературности как вариантов «готового слова» в речи Владимира Петровича, Володи, Зинаиды, отца, поэта Майданова осуществляется в *авторском способе* организации текста произведения.

В повести Тургенева просматриваются признаки той «нарративной картины мира», которую В. И. Тюпа предлагает назвать *прецедентной*, когда персонажи неуклонно следуют их статусной предназначенности и судьба становится «основным фактором событийности» («Введение в сравнительную нарратологию»). По Гегелю, трагическая судьба – это удел эпического героя, ведь именно «в эпосе, а не в драме, как обычно считают, царит судьба. <...> Рок есть великая справедливость, он становится трагическим не в драматическом смысле слова, когда индивид осуждается как личность, но в эпическом смысле, когда индивид осуждается в его делах...».

Как считает В. И. Тюпа, такой строй наррации, который ориентирован «не на гносеологическую загадку, а на онтологическую тайну, предполагающую не исчерпание интриги разгадкой, а лишь цепь прояснений, приближений, прикосновений к запредельному для человеческого опыта содержанию жизни», характеризуется как *энigmatическая интрига*. Решение вопроса о преодолении литературности в истории «первой любви» лежит в сфере «имплицитной системы ценностей, питающей читательский интерес».

«Конвергентная интрига откровения» объединяет сознания рассказчика и адресата; им как участникам «энигматического рассказывания необходима высокая степень взаимопонимания».

«РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА RENDEZ-VOUS» С ФРАНЦУЗСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ: И. С. ТУРГЕНЕВ НА «ОБЕДАХ ПЯТИ»

О. Б. Кафанова

«Обеды пяти» или обеды «освистанных» представляют собой встречи самых известных французских литераторов второй половины XIX века (Флобера, Золя, Доде, Э. де Гонкура) и Тургенева. Само слово «обеды» приобретает довольно условный смысл: изысканные трапезы сопровождались на них многочасовыми беседами, возможно более важными, чем гурманство в прямом смысле слова. Если иметь в виду встречи и обмен мнениями, то иногда они происходили не у знаменитых рестораторов (Маньи и Риша), а на «приемах по понедельникам» Флобера во время его приездов в Париж. Что касается числа «пять», то и оно условно: иногда участников было меньше, из-за отсутствия Флобера или Тургенева; в других случаях появлялись новые приглашенные (например, Жорж Санд). Своеобразным летописцем этих «собраний» стал Э. де Гонкур (1822–1896), который после смерти брата Жюль (1830–1870) один вел дневник, в котором Тургенев запечатлен в непосредственной дружеской обстановке.

Дневниковые записи Гонкура оцениваются специалистами как единственные в своем роде воспоминания, запечатлевшие Тургенева во всей непосредственности живого общения с друзьями¹. Вместе с тем в них описываются размышления собеседников по поводу этических, эстетических, онтологических проблем, отголоски которых можно обнаружить в дневниках и эпистолярии остальных

¹ *Шор В. И. С. Тургенев-рассказчик в «Дневнике» братьев Гонкур // Русская литература. 1966. № 3.*

участников «обедов». Тургенев органично вливался в круг французской литературной элиты, сохраняя при этом свою особую позицию, обусловленную русской ментальностью.

Первое появление Тургенева на субботнем обеде у Маньи состоялось 28 февраля 1863 года. Гонкуры сосредоточивают внимание на внешности нового лица, его богатырском росте и «певучем» русском акценте. Для них это «очаровательный колосс, нежный беловолосый великан», похожий «на доброго старого духа гор и лесов, на Друида и на славного монаха из “Ромео и Джульетты”». Представление о творчестве русского писателя Гонкуры имеют приблизительное, потому что упоминают «Мемуары русского помещика» (как в первом французском переводе был назван цикл «Записки охотника»), «Русского Гамлета» (имея в виду «Гамлета Щигровского уезда») и некоторые другие. Тем не менее уже на первой встрече Тургенев стал знакомить французов с русской литературой, «которая вся, от театра и до романа, идет по пути реалистического исследования жизни».

Более систематические описания обедов и присутствующего на них Тургенева возобновляются с 1872 года, 2 марта. Гонкур вновь подчеркивает его огромный рост, «детскую болтовню», которой он обольщает всех, воздействуя «тем обаянием славянской расы, которое у него особенно неотразимо благодаря самобытности его ума и обширности космополитических познаний». Действительно, Тургенев мог поразительно выказывать свои знания всемирной литературы, восхищаясь сочинениями Мольера, и одновременно с гордостью рассказывать о том, что своей книгой по-своему способствовал освобождению крестьян.

Тургенев стремился стать участником этих дружеских встреч: известно, что он, не имевший в своей биографии факта театрального фиаско, из солидарности заявил обратное, чтобы присоединиться к «освистанным драматургам». Он разделял и поддерживал многие общие темы разговоров, среди которых обсуждение литературно-критических явлений (например, сочинений И. Тэна), подтрунивание над буржуазностью Э. Золя, жаждущего получить правительственную награду, или более серьезные философские размышления о смерти (6 марта 1882) и галлюцинациях (25 апреля 1875).

Однако по мере того, как Тургенев ощущал себя более непринадлежно в кругу французских приятелей, более явно проявлялась

его «русскость». Специфически «русскими» являются темы, касающиеся социального состояния страны: размышление о крепостничестве, полуанекдотические истории о царе (25 апреля 1875), описание «трех поколений крестьян» (31 января 1880). Тургенев часто говорил о том, что входит в понятие «родина», о своем восприятии природы (3 мая 1873) и лучшем для него времени для творчества в Спасском-Лутовиново (5 мая 1876).

Одной из самых важных тем Тургенева, которая проходит через многие встречи, становится размышление о любви. В высказываниях о важности этого чувства для него, его жизни Тургенев предстает певцом любви, верным рыцарем прекрасной дамы. Но есть в этом и особенность русской ментальности, представление о любви как высоком идеальном чувстве. «Я полагаю, что только любовь вызывает такой расцвет всего существа, какого не может дать ничто другое», – считает он (2 марта 1872). 4 мая 1877 года, давая обед перед отъездом в Россию, Тургенев очень ясно выразил свое несогласие с французскими собратьями по перу, которые в любви видели в основном «плотскую близость». Он привел всех присутствующих в смущение своими словами о том, «что всякий, кто по-настоящему влюблен, как бы полностью отрекается от себя». Тургенев говорит о совершенно необыкновенном ощущении наполненности сердца. И Гонкур вынужден признаться, что ни Флобер, ни Золя, ни он сам никогда не испытывали ничего подобного.

Своего рода «русским» можно назвать и альтруистическое желание Тургенева приобщить французских мэтров к поэтическим красотам другого иностранного автора. Поразительная ситуация возникает на обеде 21 марта 1875 года, когда Тургенев переводит с немецкого на французский язык драматический отрывок И.-В. Гёте «Прометей». При этом он добивается желаемого, вызывая восхищение присутствующих смелой и свежей образностью немецкого поэта. А 5 марта 1875 года происходит интересная сцена, связанная с впечатлением от только что увиденной пьесы Эмиля Ожье (Augier) «Madame Caverlet». Размышление о реакции французской публики на некоторые сцены этой «комедии», посвященной проблеме развода, привели Тургенева к выводу, что русские, по сравнению с французами, «менее связаны условностями» и «более человечные».

Таким образом, Тургенев органично влился в компанию самых талантливых французских литераторов, с некоторыми из которых

он был связан узами искренней дружбы. Однако именно на этих встречах «без галстуков» наиболее явно проявлялась его русская ментальность.

ДОРОГА В СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО

Е. А. Козеева, Л. В. Миндыбаева

Дорога в родную усадьбу Спасское-Лутовиново начиналась для Тургенева в Москве, Санкт-Петербурге, Париже и других отдаленных от Мценского уезда местах. Заключительный отрезок этой дороги – Мценск – Спасское-Лутовиново – был знаком ему до мельчайших подробностей с раннего детства и наполнен самыми главными «дорожными» впечатлениями, рождавшими в его душе «чувство родины». Уездный Мценск, овраги, леса, перелески, усадьбы соседей, крутой берег реки Зуши вдалеке – все эти дорожные приметы будили воспоминания, погружали Тургенева в радостные и одновременно грустные переживания, были предвестниками встречи с родным гнездом.

Дороги занимали особое место в жизни и творчестве Тургенева. Стоит открыть его «Записки охотника», романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», перечитать письма – всюду дороги, встречи и расставания. Дорога стала художественным образом, вплетенным в ткань тургеневских произведений. Не была исключением и дорога из Мценска в Спасское: ее «очертания» угадываются в произведениях писателя, а люди, проживавшие близ нее, стали прототипами персонажей Тургенева.

Дорога в Спасское идет ныне не теми местами, по которым ездил писатель, и мы не можем любоваться открывавшимися его взору ландшафтами. А ведь именно они, эти ландшафты, оказались наиболее устойчивыми ко времени и по-прежнему дарят то непередаваемое чувство, которое испытывал Тургенев, приезжая в «свой возлюбленный Мценский уезд».

Усадьба Тургенева находилась недалеко от «Орловского шоссе» – дороги, которая вела из Москвы в Тулу, Орел, Курск и далее на юг. Ездили в экипажах, дорога из Москвы занимала около полу-

тора суток. С шоссе в Спасское сворачивали в двух местах: либо на станции Богослов (Богуслово), либо во Мценске. Дорога Мценск – Спасское всегда была основной дорогой, связывавшей усадьбу писателя с остальным миром. Ее значение возросло с открытием движения по железной дороге.

Прибывая во Мценск на поезде, Тургенев по проселочной дороге добирался до Спасского в 1870, 1872, 1874, 1876, 1878, 1880 и 1881 годах. Таким путем приезжали к Тургеневу А. А. Фет, Л. Н. Толстой, Ю. П. Вревская, М. Г. Савина, Я. П. Полонский с семьей и другие гости.

Покинув здание вокзала, Тургенев отправлялся к паромной переправе через Зушу. Далее дорога выходила на Троицкую улицу и поднималась на Висельную гору, возвышавшуюся на правом берегу Зуши. Приметы родных мест, даже самые мелкие и не блестящие внешней красотой, были так милы сердцу Тургенева, что он просил Фета в письме от 18 (30) июня 1859 года известить его «обо всем на свете»: «о Мценском соборе», «о количестве грачей, о том, продолжают ли они играть над кручью Висельной горы», «о пароме на Зуше», «об огрызенных ракетах по дорогам»¹.

Во Мценске Тургенев бывал почти во всякий свой приезд на родину. Сюда его приводили хозяйственные и имущественные дела, встречи с родными и знакомыми. Мценское общество – Шеншины, Борисовы, Матвеевы, Сафоновы, Иноземцевы, Половневые, Тенишевы, Беры и многие другие представители дворянских и купеческих родов – были частью жизни и творчества Тургенева. Истории их семейств, события, происходившие в ближайшем окружении писателя, местные легенды и предания вошли в ткань тургеневских произведений. Мценские реалии и впечатления нашли отражение в поэме «Андрей», рассказе «Татьяна Борисовна и ее племянник», повестях «Постоялый двор», «Затишье», «Дневник лишнего человека», «Призраки».

Спустившись с Висельной горы и миновав железную дорогу, Тургенев направлялся в Спасское-Лутовиново. На самой дороге и по сторонам от нее лежали сельцо Нижняя Зароща, село Сомово (Павлищево), сельца Верхняя Зароща, Катушищево, Гнеушево (Чертово) и Шеламово.

Село Сомово Павлищево тож принадлежало Лутовиновым, позднее – Тургеневым. Двоюродный дед Тургенева Иван Ивано-

¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 57.

вич Лутовинов в 1803 году купил его у статского советника Михайлы Матвеевича Хераскова. К поэзии Хераскова питали глубокое уважение в семье Тургеневых. Упоительные чтения поэмы «Россияда» в спасском парке Тургенев упомянул в письме к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 3, 8 (15, 20) сентября 1840 года, а также в повести «Пунин и Бабурин».

Владельцы Нижней Зароци, Верхней Зароци, Катушицево, Гнеушево и Шеламово – Протасовы, Меншиковы, Чертовы – проживали в соседстве с Тургеневыми, некоторые из них были прихожанами церкви Преображения Господня села Спасского.

Иногда знакомство с соседями, наблюдения над их характерами давали Тургеневу богатый материал для творчества. Так помещики Чертовы, проживавшие в Гнеушево и Шеламово, стали прототипами рассказов «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова». Художественно перерабатывая свои наблюдения над Чертовыми, Тургенев типизировал в Чертопхановых такие черты, как взбалмошность, самодурство, страстность, которые были проявлением стихийных сил, лежащих в основе их характеров. Историю о несчастной привязанности Чертопханова к коню Малек-Аделю Тургеневу могла поведать его соседка, дочь И. И. Чертова Юлия Ивановна Малиновская².

В Нижней Зароце, Сомово, Верхней Зароце, Катушицево, Гнеушево, Шеламово, как и во многих местах, время стерло с лица земли дворянские усадьбы, уничтожило следы усадебной жизни. Но сохранились старинные ландшафты, которые поразительно устойчивы и мало меняются со временем. Ими любовался Тургенев, проезжая в родную усадьбу, их описания, удивительные по красоте и точности деталей, встречаем в его произведениях.

С 1881 года въезжающих в Спасское-Лутовиново встречала часовня Александра Невского, выстроенная по инициативе И. С. Тургенева. От часовни дорога с канавами по обеим сторонам пересекала Спасское и вела прямо в усадьбу. Наконец, показывались купола церкви Преображения Господня и проглядывал из парка светлолиловый дом с зеленой крышей. Приметы спасской усадьбы проступают в стихотворении Тургенева «Деревня»:

*Люблю я вечером к деревне подъезжать,
Над старой церковью глазами провожать*

² Там же. Т. 12. С. 46.

*Ворон играющую стаю;
Среди больших полей, заповедных лугов,
На тихих берегах заливов и прудов,
Люблю прислушиваться лаю
Собак недремлющих, мычанью тяжких стад,
Люблю заброшенный и запустелый сад
И лип незыблемые тени...³*

Спасское стало единственным селом во Мценском уезде, доставшимся младшему сыну Варвары Петровны «коллежскому секретарю» Ивану Сергеевичу Тургеневу. Забота о родном гнезде, о спасских крестьянах, разнообразные хозяйственные дела, безусловно, занимали важное место в жизни писателя. Но не это было главным. Для Тургенева Спасское-Лутовиново было прежде всего источником вдохновения и творчества. Дом с семейными портретами, обширной библиотекой воплощал родовую память, само понятие «дворянского гнезда». Безмолвие и зеленый полумрак парка давали возможность созерцания природы, постижения ее безмерности и безграничности. В Спасском Тургенев погружался в «волны русской жизни» и, художественно претворяя свои наблюдения, переносил их на страницы повестей и романов.

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Т. М. Кривина

Недавно в Британии был опубликован новый перевод «Нови», осуществленный Майклом Персглавом¹.

³ Там же. Соч. Т. 1. С. 58.

¹ Ivan Turgenev *Virgin Soil* translated by Michael Pursglove – Alma Classics – London, UK, 2014. Майкл Персглав (р. 1944) – известный в британских ученых кругах филолог, бывший преподаватель Экстерского университета, автор многих литературоведческих статей, опубликованных как в Англии, так и в нашей стране.

Персглав в своих статьях о работе с тургеневскими текстами называет ряд тех трудностей, с которыми сталкивается переводчик. Это словесный пласт (порой архаичный), который отражает реалии XIX века – исторические, социальные, культурные; это обилие иностранных слов и фраз – в первую очередь французских; это авторское использование дублетов и др. Персглав выделяет в отдельную группу «вызовов» (challenges) переводчику слова с уменьшительно-ласкательными значениями. Пишет он и о сложностях восприятия иностранцами русских фамилий, имен (в том числе *nomms parlants*), названий селений. Особую «преграду» для иноязычного читателя представляет, конечно, разговорная лексика, и, прежде всего, просторечия. Кроме того, в «Нови», как ни в одном другом тургеневском романе, обнаруживается много поговорок, пословиц, фразеологизмов, устойчивых словосочетаний.

Преодолевая языковые трудности, британский переводчик прибегает к различным приемам: в частности, использует транслитерацию, поясняя и комментируя в примечаниях многие историко-социальные понятия, имена, фамилии и пр. Чаще всего для трудно переводимых слов и словосочетаний, в том числе и устаревших, а также для слов с уменьшительно-ласкательными значениями Персглав находит стилистически нейтральные аналоги. В некоторых случаях он прибегает к явной англизации текста, что, в первую очередь, касается пословиц и поговорок, но не только их.

Переводчик, учитывая некоторые специфически национальные факторы русского языка и русской истории, непонятные человеку новейшего времени, – тем более иностранцу, – «нейтрализует», даже упрощает многие своеобразные черты тургеневской прозы. Можно сделать вывод, что на уровне лингвостилистики «Virgin Soil» Майкла Персглава – в определенной степени иное повествование, нежели оригинал: это современная подача романа русского классика, рассчитанная, прежде всего, на англоязычного читателя. Однако подобное умозаключение справедливо лишь отчасти.

Мы знаем, что Тургенев – создатель рафинированной высоколитературной прозы, и британский переводчик чутко воспринял те аспекты романа, которые в полной мере подтверждают эту мысль. Пожалуй, лучшие страницы английского перевода «Нови» – пейзажные зарисовки, в которых Персглав мастерски воссоздает изящный тургеневский текст, находя ему параллели в родном языке, точно передавая не только его смысл, но и ритмику. На этом уров-

не переводчик очень близок к стилистике Тургенева и, говоря словами В. А. Жуковского, становится его «соперником».

Стихотворные вставки всегда по-своему обеспечивали тургеневской прозе ее суггестивное наполнение. В «Нови» особенно много стихов, различных по жанровым особенностям и метрике. Все они прекрасно переданы на английском языке Персглавом, что неудивительно, ведь одна из сфер его переводческой деятельности – русская поэзия.

Майкл Персглав, в поисках пути к постижению глубинной сути тургеневского романа, к пониманию его многогранной проблематики, тонкого психологизма, точно передает то главное, что стремился выразить в своем произведении Тургенев, и, таким образом, верен творческим исканиям русского писателя. Он талантливо избегает буквалистского подхода к переводимому тексту, различными способами пересоздает оригинал, к чему всегда стремились лучшие переводчики всех эпох.

ТЕМА КУРОРТА В ПРОЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

О. Н. Кулишкина

Почти четверть века назад М. Альтшуллер счел возможным отметить наличие особой жанровой разновидности русской повествовательной прозы XIX века – «курортного романа», сформировавшегося во многом под влиянием рецепции единственного «неисторического» произведения В. Скотта («Сент-Ронанские воды», 1823; рус. пер. 1828), отнеся к таковой, помимо нереализованного замысла А. С. Пушкина («Роман на Кавказских водах»), «Княжну Мери» М. Ю. Лермонтова, «Игрока» Ф. М. Достоевского, «Дым» И. С. Тургенева.

На наш взгляд, однако, говорить о влиянии скоттовского «курортного» романа на русскую словесность целесообразнее не в жанровом аспекте, но – дискурсивном. Как представляется возможным утверждать, не без влияния «Сент-Ронанских вод» в отечественной художественно-повествовательной практике формируется специфическая «курортная парадигма», в основе которой – представле-

ние о курортном топосе как «пространстве девиантного поведения», позволяющее вспомнить о позднейшей интуиции гетеротопии (лекция М. Фуко «О других пространствах» – 1967, оп. 1984). Основные параметры восприятия курортного пространства были заданы уже в авторском предисловии к «Сент-Ронанским водам», где курорт явственно коннотируется как пространство, которое в силу «полной перемены уклада <...> каждодневной жизни», «легитимной» праздности, «снисходительности» моральных установок, показательного смешения национальных и сословных кодов поведения предоставляет реальную возможность а- или антинормативного (с точки зрения обыденного сознания) поведения. Мезальянс, адюльтер, азартные игры (карты, рулетка), эксцессивное винопитие, наконец – доминантная роль женщины в курортном пространстве (по сравнению с доминированием мужчин в «нормальных» пространствах) становятся в курортных нарративах конкретными формами проявления девиантности курортного бытия.

Кодифицирование «пространственного» освобождения от традиционных (социально нормированных) форм жизни, постановка на их место конвенционально свободного перемещения тела в ограниченном пространстве (прогулка как основной вид деятельности в курортной повседневности), как результат, – девиантная активность субъекта, имеющая, как правило, последствия для его последующей жизни, – так возможно было бы, обобщая, описать протекание «типового» курортного сюжета. Наиболее ярко репрезентированная в «Даме с собачкой» А. П. Чехова, на отечественной литературной почве обозначенная «курортная парадигма» оформляется, однако, в творчестве И. С. Тургенева. Доклад посвящен рассмотрению в указанном аспекте «курортных» текстов писателя («Ася», «Вешние воды», «Дым»).

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ А. Н. ОСТРОВСКОГО С И. С. ТУРГЕНЕВЫМ В 1850-е ГОДЫ

Ю. В. Лебедев

В начале творческого пути А. Н. Островский в лице И. С. Тургенева столкнулся с серьезным конкурентом. Тургенев не без основания претендовал на создание русского театрального репертуара

ра. Параллельно с «Записками охотника», опережая Островского, он приступает к созданию цикла пьес. Именно Тургенев вводит в репертуар отечественного театра жанры пьесы-сцены, пьесы-пословицы, психологической драмы, которые укоренились потом и в творчестве Островского. Однако в 1850-е годы Тургенев-драматург, при всех своих амбициях, не выдержал конкуренции. Он сознательно оставил работу над пьесами и, признав приоритет Островского, замолчал. Почему это произошло?

Театральное искусство в высшей степени демократично. Его колыбелью является площадь, у его истоков лежит народный мир. «Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы, – утверждал Островский. – Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии – для всего народа; драматические писатели должны всегда это помнить, они должны быть ясны и сильны»¹.

Наша литература в период создания своего национального репертуара нуждалась в произведениях общерусского звучания, глубоко погруженных в народную культуру. Утонченная драматургия Тургенева испытала в середине XIX века правоту пословицы, избранной в заглавие одной из его комедий: «Где тонко – там и рвется» (1848). Она вынуждена была уступить первенство более демократичной и национально укорененной драматургии Островского.

У современников Тургенева его интеллектуальная утонченность часто вызвала ироническое неприятие. В творческий диалог с Тургеньевым вступил и сам Островский в комедии «Бедная невеста» (1852). Даже фабула этой пьесы перекликается с повестью Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850). В романе Мерича с Марьей Андреевной заключена скрытая пародия на тургеньевскую философию любви.

Оставленная князем Н. Лиза в тургеньевской повести говорит: «Что делать! я чувствую, что я до гроба его любить буду. <...> Все меня теперь обвиняют, все бросают в меня камнями. Пусть! Я бы все-таки не променяла своего несчастья на их счастье... нет! нет!.. Он недолго меня любил, но он любил меня!»².

¹ Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 10. С. 139. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы.

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1963. Т. V. С. 228. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием серии, тома и страницы.

Так же понимает любовь Горский, герой комедии Тургенева «Где тонко – там и рвется». Он испытывает высочайшее наслаждение от любовной игры с Верой. Ради этого наслаждения он готов воспрепятствовать ее браку с приятелем. На семейную жизнь Горский смотрит скептически («ее можно сравнить с молоком... но молоко скоро киснет») и жениться на Вере не собирается: «Жениться? Нет, я не женюсь, что там ни говорите...» (С. II, 101). «Дружба, семейное счастье, любовь?.. Да все эти любезности хороши только как мгновенный отдых, а там давай Бог ноги! Порядочный человек не должен позволить себе погрязнуть в этих пуховиках...» (С. II, 112).

У Островского такой взгляд на любовь утверждает отрицательный герой, эгоист Мерич. Узнав о готовности Марьи Андреевны выйти замуж, он говорит: «Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы делаете, Марья Андреевна! Вы созданы для того, чтобы быть любимой. Красотой должны любоваться все. Вы не имеете даже права отнять у нас это наслаждение и на всю жизнь отдать одному человеку» (1, 218).

Идеал героини Островского иной: «Говорят, он груб, необразован, взяточник; но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочного человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец – дети, я буду жить для детей» (1, 271).

Почувствовав полемические выпады в свой адрес, Тургенев решил не оставлять их без ответа. В мартовском номере журнала «Современник» за 1852 год он опубликовал рецензию «Несколько слов о новой комедии г. Островского “Бедная невеста”». Рецензия эта была достаточно суровой и заканчивалась пожеланием «выпутаться из тех сетей, которые он <Островский> сам наложил на свой талант... Да осуществляются в нем наши надежды! Они не слишком радостны, не слишком сильны» (С. V, 396, 515).

С воззрениями Островского на любовь и назначение женщины он продолжил косвенный спор и дальше, в повести «Переписка» (1856). Склоняясь к браку с молодым соседом, героиня повести просит совета у своего друга и наставника: «Если вы точно чувствуете ко мне дружбу, если вы точно меня не забыли, вы должны помочь мне, вы должны рассеять мои сомнения... “Всё это пустяки, турусы на колесах, – говорил мне вчера мой дядя, – <...> за мужем и детьми ухаживать, а за горшком наблюдать – вот что нужно женщине...” Скажите, ведь он прав?» (С. VI, 177).

Тургеневский герой, которому автор сочувствует, отвечает на это так: «Неправда! неправда! С ногами, оскверненными грязью дороги, недостойно войти в чистый храм» (С. VI, 178–179).

Лишь в счастливые мгновения первой влюбленности открывался Тургеневу таинственный небесный свет. Любимую женщину этот свет превращал в ангелоподобное существо. Но с ее неизбежным заземлением исчезало очарование. Тургенев поэтизировал одухотворенную и бесплотную влюбленность, чистую и возвышенную, но беспредельно далекую от семейных радостей и забот.

Недаром Л. Н. Толстой однажды сказал о Тургеневе: «...не любит, а любит любить»³.

ТВОРЧЕСТВО И. С. ТУРГЕНЕВА В КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Ли Силу

Творчество И. С. Тургенева оказало большое влияние на китайских писателей. Изучение Тургенева в китайской литературной критике делится на четыре периода:

1. Первая половина XX века (1915–1949)

В этот период восприятие Тургенева было связано с особым историческим и культурным фоном Китая. Изучение творчества Тургенева начало формироваться еще до образования КНР. Первые китайские переводчики и критики стали понимать художественный талант Тургенева как романиста. Однако изучение его творчества находилось все еще в зачаточном состоянии, и системность изучения требовала улучшения.

— 1915 *Первый переводчик* (с английского языка) произведений Тургенева в Китае – *Лю Паньнун*, который перевел 4 стихотворения в прозе («Нищий», «Маша», «Дурак», «Ши») в качестве рассказов. (Произведение Пушкина переведено на китайский язык в 1903 году.)

³ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1985. Т. 21. С. 181.

- 1915 *Первый критик по Тургеневу – Чэнь Гу*, он назвал Тургенева «выдающимся корифеем в русской литературе» и отметил: «нет никакого мыслителя и писателя, которого можно сравнить с Тургеневым».
- 1917 *Чжоу Шоуцзюань* перевел рассказ «Смерть», а в описании биографии Тургенева Чжоу в первый раз упомянул такие важные произведения писателя, как «Записки охотника», «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь».
- 1920 *Ху Юйчжи* написал первую критическую статью о Тургеневе, объемом в более 5000 иероглифов. В этой статье описана жизнь Тургенева и его творческий путь.
- 1924 *Го Можо* писал: «Новь» нам сыграла только отрицательную роль, мы должны учиться у «Советского Союза Ленина». С другой стороны, Го Можо признал жизненную картину народа, описанную в произведениях Тургенева.

2. Со дня образования КНР до 80-х годов (1949–1980)

Период застоя. В этот период китайские ученые обратили внимание на произведения социалистического реализма. Мало кто изучает русскую классическую литературу.

Во-первых, ураган социалистического строительства обратил внимание читателя на литературу, которая могла стать руководством для строительства китайского социалистического общества. А беззащитная любовь и эстетика тургеневских произведений были далеки от требований китайской революции и строительства.

Во-вторых, в те времена социалистическая литература не обращала внимания на традиционную литературу.

В-третьих, безостановочно происходящие одно за другим политические движения в Китае привели к замороженному состоянию изучения Тургенева.

3. С 80-х годов до конца XX века

Этот период является вершиной изучения Тургенева и его творчества.

Исследования делятся на несколько категорий:

- а. Изучение творческого метода;
- б. Изучение образа героя;
- в. Поворот в изучении с идейности к художественности.

В целом в этот период количество научных статей резко увеличивается, но по большей части в области изучения романов, а изучение произведений малых форм уменьшается. Внимание по-прежнему уделяется идеологической ориентации и социальной полезности, а не художественным приемам, особенно в начале 80-х годов некоторые ученые так и не избавились от бывшей социальной критической модели.

- 1985: Сборник статей «Пушкин Тургенев Толстой»
- 1989: Сборник статей «Изучение Тургенева»
- 1991: Чжу Сяньшэн «О Тургеневе»
- 1994: «Полное собрание Тургенева» (12 томов) – Символ начала всестороннего изучения Тургенева
- 1999: Чжу Сяньшэн выпустил солидный труд «Между поэзией и прозой: о творчестве и стиле Тургенева».

4. Начало XXI века и до сих пор

В этот период ученые вузов и исследовательских центров обращают больше внимания на философскую мысль Тургенева. Происходит углубленное изучение его творчества.

В этот период изучение делится на несколько категорий:

- а. Изучение творчества Тургенева в культуре.
- б. Новые аспекты изучения мужских и женских образов в его рассказах и повестях.
- в. Сравнительное изучение творчества Тургенева.

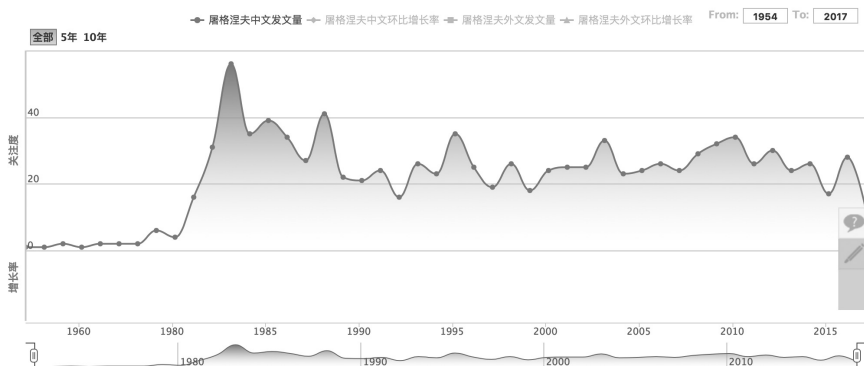

График 1. Количество научных статей на китайском языке о Тургеневе (1954–2017).

(http://kns.cnki.net/kns/brief/default_result.aspx 2018-03-09)

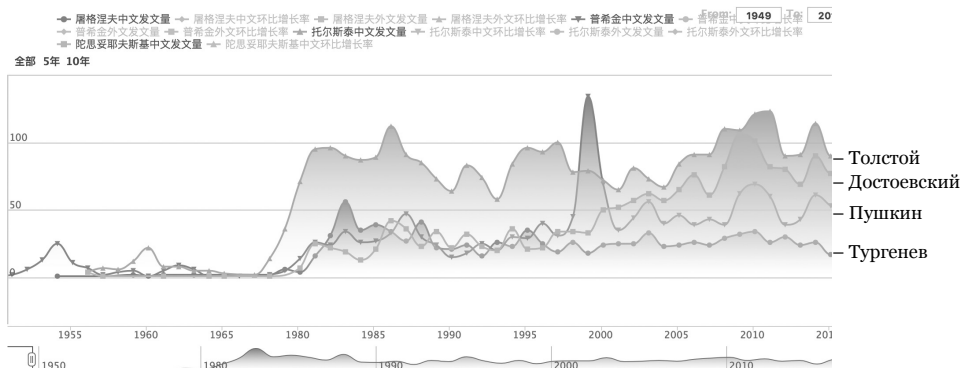

График 2. Количество научных статей
на китайском языке (1949–2017).
(http://kns.cnki.net/kns/brief/default_result.aspx 2018-03-09)

ТОРЖЕСТВО «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» В 1879 ГОДУ (Из истории первого стереотипного издания)

В. А. Лукина

1879 год стал для Тургенева годом «невероятных приключений» не только в России¹, но и в Англии, где 18 июня н. ст. он был удостоен степени почетного доктора гражданского права Оксфордского университета. Примечательно, что как в России, так и в Англии торжества проходили под знаком «Записок охотника». Приехав в Петербург в первой половине февраля, писатель практически сразу же договорился с М. М. Стасюлевичем об издании первого стереотипного («дешевого народного») издания цикла²,

¹ Генералова Н. П. Невероятное путешествие Тургенева в Петербург и Москву (февраль — март 1879 года) // Русская литература. 2018. № 3.

² Имеется в виду издание: Тургенев И. С. Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. Первое стереотипное издание. СПб., 1880 (фактически вышло в октябре 1879 г.). См. о нем: Громов В. А. «Записки охотника» в структуре прижизненных изданий сочинений Тургенева // Восьмой межвузовский Тургеневский сборник: И. С. Тургенев и русская литература. Курск, 1980. С. 94–103.

не воспроизводившегося вне собрания сочинений с 1859 года, когда было выпущено второе отдельное издание. Специально для стереотипа Тургенев тщательно пересмотрел текст «Записок охотника» по экземпляру предыдущего салаевского собрания своих сочинений (М., 1874. Ч. 1). В докладе анализируются изменения, внесенные в рассказы «Мой сосед Радилов», «Льгов», «Бурмистр», «Два помещика», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Лебедянь», «Петр Петрович Каратаев», «Свидание» и «Стучит!».

Новое издание «Записок охотника» открывалось кратким биографическим очерком о Тургеневе, автором которого был М. М. Стасюлевич. Основные сведения для него редактор «Вестника Европы» почерпнул из составленного ранее писателем, по его просьбе, автобиографического очерка для посвященного Тургеневу тома серии «Русская библиотека». Кроме того, в очерке для нового издания «Записок охотника», названного самим писателем «стереотипным», были учтены не вполне соответствующие действительности данные о написании рассказа «Бурмистр». Эти сведения были позаимствованы Стасюлевичем из рукописи воспоминаний П. В. Анненкова «Замечательное десятилетие», которые готовились к публикации в «Вестнике Европы». Согласно Анненкову, «Бурмистр» был написан во время пребывания Тургенева в Силезии на водах Зальцбрунн, где он находился вместе с большим Белинским и автором воспоминаний. Именно в первом стереотипном издании «Записок охотника» впервые появились те же дата и место написания («Зальцбрунн, в Силезии, июль, 1847 г.»), что и в мемуарах Анненкова. По убедительному предположению Ю. Г. Оксмана, данное уточнение было введено, чтобы подчеркнуть связь рассказа с письмом Белинского к Гоголю. В докладе высказывается предположение, что инициатором этого уточнения был Стасюлевич.

Биографический очерк был опубликован без подписи и в дальнейшем воспроизводился в неизменном виде вплоть до шестого издания (1880. 2-е изд.; 1881. 3-е изд.; 1882. 4-е изд.; 1883. 5-е изд.), вышедшего через два месяца после смерти писателя. Здесь Стасюлевич впервые подписал очерк инициалами «М. С.» и поместил прибавление, датированное 22 октября ст. ст. 1883 года, в котором рассказал об истории стереотипного издания: «В первый раз в 1880 году И. С. Тургенев, уступив Салаевым право нового, по-

следнего при его жизни издания всех его сочинений, удержал за собою право отдельного издания “Записок охотника” с целью сделать их таким образом более доступными по цене для школ и учащихся. В течение трех с небольшим лет “Записки охотника”, отлитые стереотипом, выдержали четыре издания (по 1200 экз. каждое). О выпуске пятого издания автор получил извещение за несколько дней до своей смерти на даче в одной из окрестностей Парижа – Буживале. За два дня до своей кончины, 20 августа (1 сентября), он поручил, вспоминая, вероятно, особую цель этого издания, выразить, в ответ на извещение о появлении пятого издания “Записок охотника”, свое великое удовольствие. Это было одним из последних поручений покойного, так как весь день 21 августа он провел в бессознательном состоянии, а в понедельник, 22-го числа, в два часа пополудни, скончался от тяжкой болезни, мучившей его более года»³. Так началась посмертная слава «Записок охотника».

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

(на материале переводов романа «Дворянское гнездо»

И. С. Тургенева)

Лю Си

В докладе на материале романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» анализируются ошибки, возникающие при переводе художественного произведения с русского языка на китайский. Сопоставление оригинального текста и шести переводов, выполненных разными переводчиками, позволяет на конкретных примерах рассмотреть некоторые категории переводческих ошибок. Делается вывод о причинах, вызывающих переводческие ошибки.

³ *Тургенев И. С.* Записки охотника: Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. СПб., 1883. 6-е стереотипн. изд. С. VII–VIII.

ТУРГЕНЕВ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ XX ВЕКА Неизвестные интерпретации

А. М. Любомудров

В докладе речь пойдет об интерпретации художественного мира и реконструкции творческой личности Тургенева, осуществленных классиком русского зарубежья Б. К. Зайцевым. Благодаря прежде всего Зайцеву фигура Тургенева не исчезала из культурно-общественного сознания русской эмиграции на протяжении полувека. Зайцев посвятил ему художественную биографию «Жизнь Тургенева» и два десятка статей. Часть их до сих пор не переиздана на родине и остается неизвестной читателям и исследователям. Между тем они вносят новые штрихи в зайцевскую концепцию творчества и личности писателя.

К 1930-м годам относятся очерки, содержащие сюжеты из биографии Тургенева, которые не вошли в книгу. В частности, «Тургенев на съезжей», где воссоздан эпизод, когда автор «Записок охотника» оказался в роли государственного преступника и провел некоторое время в петербургском арестном доме. Итогом этой «комедии ареста» стала, по мнению Зайцева, нравственная победа Тургенева и проигрыш властей.

Следующий пласт очерков – постижение духовного мира писателя, особенностей его мировоззрения. Платоническому «роману-дружбе» с графиней Ламберт посвящен очерк «Утешительница», построенный на их переписке. Это филигранное и деликатное погружение в глубины сердечной жизни и тонкости душевных движений корреспондентов. Попытки графини привести Тургенева к вере не принесли результата. Как полагает Зайцев, роковую роль в их охлаждении сыграла Виардо, ставшая «несчастьем» и «возмездием» для Тургенева.

В статьях «Тургенев (К пятидесятилетию кончины)», «Тургеневу», «Тургенев» Зайцев стремится выявить индивидуальность художника, психологию его личности, неразрывно связанную с творчеством. Наследие Тургенева разделено на два неравноценных пласта: общественно-публицистическое содержание романов 1860–70-х годов нанесло ущерб их художественности, настоя-

щую же ценность представляют произведения лирико-философского плана («бриллиантами прозы» названы рассказы и новеллы «Первая любовь», «Фауст», «Живые мощи», «Клара Милич» и др.)

Статья «Новый Тургенев» посвящена анализу «Стихотворений в прозе», создание которых Зайцев рассматривает в биографическом контексте. Оценки Зайцева амбивалентны: в этом новом для Тургенева жанре, по мнению автора статьи, слишком много «чрезмерной музыкальности».

Тема любви видится как главнейшая тема всего творчества («Две главных линии было в его жизни: любовь и литература. Любовь он проиграл. Литературу выиграл»). Зайцев также постоянно касается вопроса о мировоззрении Тургенева и приходит к выводу, что мистические настроения позднего периода так и не дали мира его душе.

В заметках и выступлениях 1960-х годов звучит тема мирового значения Тургенева – «красы литературы нашей». Интересны отклики на 150-летний юбилей писателя в Советском Союзе и на академическое издание Собрания сочинений Тургенева, осуществленное Пушкинским Домом.

Публикация неизвестных статей Зайцева позволит уточнить представления о художественном образе русского классика XIX века, воссозданном в работах классика столетия двадцатого.

ИТАЛЬЯНСКИЕ МОТИВЫ В ТЕАТРЕ И. С. ТУРГЕНЕВА:

О переводе Е. Дамиани пьесы «Вечер в Сорренте»

Джулия Маркуччи

Енрико Дамиани является знаменитым славистом, великим ученым в области болгарской литературы, одним из отцов и создателей итальянской славистики. Он перевел в 20–30-х годах XX века много русских авторов, среди которых следует упомянуть Н. Некрасова, И. Крылова, А. Островского, А. Пушкина,

Л. Толстого, много писал о русской литературе, преподавал в университетах Рима и Неаполя, работал библиотекарем¹. Но в особенности необходимо подчеркнуть его вклад в распространение произведений И. С. Тургенева в Италии, он оставил после себя многочисленные переводы и критические статьи, относящиеся к вышеупомянутому периоду. В данной работе на основе исследований, проведенных в итальянских библиотеках и архивах, рассматривается та сторона творчества Дамиани, которая касается популяризации произведений Тургенева, в особенности уделяется внимание итальянскому переводу малоизвестной пьесы «Вечер в Сорренте», опубликованному в 1925 году (изд. Карабба). Наша цель – выделить главные приемы перевода и главный подход Дамиани к пьесе, а также ответить на вопрос, можно ли считать его еще актуальным почти сто лет спустя после публикации.

Литература

1. *Damiani E.* Turgheniev autore drammatico // *Rivista di cultura.* 1924. 5. P. 1–2, 84–88.
2. *Turgheniev I.* Una sera a Sorrento. La provinciale. Al verde: bozzetti teatrali / Introduzione e traduzione di E. Damiani. Lanciano: Carabba, 1925.
3. *Garzonio S.* La memoria e la morte: le ultime opere di Ivan Turgenev // *Turgenev I. S.* Il canto dell'amor trionfante e altri racconti / Traduzione e cura di F. Gori. Milano: Feltrinelli, 1992. P. 5–28.
4. И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. Вып. 4: К 200-летию И. С. Тургенева / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина.
5. *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа (Из истории русско-европейских общественных и литературных отношений). СПб., 2003. 583 с.
6. *Гревс И. М.* Тургенев и Италия. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1925.
7. *Kauchtschishwili N.* La narrativa di I. S. Turgenev, problemi di lingua e arte. Milano, 1969.
8. *Mazzitelli G.* Enrico Damiani slavista // *Europa Orientalis.* 1990. 9. P. 401–414.

¹ *Mazzitelli G.* Enrico Damiani slavista // *Europa Orientalis.* 1990. 9. P. 401–414.

КОНЦЕПЦИЯ ЮБИЛЕЙНОЙ ВЫСТАВКИ
ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ (ГЛМ)
Арабески. – Страницы жизни Ивана Тургенева
К 200-летию со дня рождения

Г. Л. Медынцева

Юбилейная выставка Тургенева носит итоговый характер. Она ставит своей целью в сжатой форме продемонстрировать основные темы всех предшествующих тургеневских выставок ГЛМ, где разные грани творчества и личности Тургенева были подробно представлены в различных историко-культурных контекстах во всех внутренних и биографических связях.

Выбор темы и название – *Арабески* – в наибольшей степени соответствуют задаче свести воедино уже затронутые на предыдущих выставках многочисленные аспекты творчества и биографии писателя, жанровому разнообразию сочинений Тургенева и универсальности его личности. К арабескам, к тому же, можно причислить и «Стихотворения в прозе» Тургенева, являющиеся итогом и концентрацией всего его творчества и дающие нам право последовать его примеру: в произвольной последовательности и свободной форме сделать набросок картины жизни Тургенева, выбрав для этого самое важное и интересное с нашей точки зрения, что позволило бы показать масштаб и многогранность личности и творчества Тургенева, его место и роль в русской и мировой культуре.

Благодаря отсутствию жестких рамок и свободе в обращении с материалом – выборе, расположении, комбинациях экспонатов, жанр арабесок привлекает возможностью осветить образ Тургенева и его взаимоотношения с современниками в непривычных ракурсах и создать новый и неожиданный художественный контекст, исключающий просто повторение пройденного.

Принцип построения выставки – тематический и синхронный: рядом сосуществуют лица и события разного времени, что помогает создать объемное представление о многогранной личности Тургенева в восприятии разных эпох и продемонстрировать эволюцию и многообразие оценок писателя.

Выставка представляет собой собрание сюжетов в рамках четырех крупных блоков: литература, искусство, музыка, театр. Каждый сюжет включает множество лиц и ярко характеризует Тургенева с той или иной стороны. Это позволяет через серию частных эпизодов раскрыть самое существенное в тургеневской биографии.

Большая часть «действующих лиц» выставки – литераторов, художников, музыкантов, актеров уравниены в правах: их изображения представлены фотографиями или малоформатными портретами. Крупным планом выделены те из них (не считая портретов самого Тургенева, П. Виардо, кумиров и учителей Тургенева – Гёте, Пушкина, Гоголя, Белинского), кому на выставке придана знаковая и представительская роль в раскрытии разных граней личности Тургенева. Выбор обусловлен не только смысловой необходимостью, но и эстетической значимостью материалов фондов ГЛМ.

В русской литературе – Яков Полонский (карандашный портрет работы М. Антокольского), одновременно поэт и талантливый художник-любитель, объединяющий темы литературы и искусства, совмещающий в одном лице ближайшего друга Тургенева, поэта, близкого ему по эстетике; художника, которому принадлежат единственные изображения Спасского, сделанные при жизни Тургенева.

Западную литературу представляет Жорж Санд (пастельный портрет Изабе), кумир русской публики, вокруг которой группируются остальные французские писатели – друзья Тургенева: Мери-ме, Флобер, Золя, Доде, Мопассан, считавшие, как и сама Ж. Санд, русского писателя мэтром, тем самым обозначая его место в мировой культуре.

Среди художников первое место отведено А. Боголюбову (офорт В. Матэ), внуку Радищева, председателю Общества русских художников в Париже (Тургенев был его бессменным секретарем), автору воспоминаний о Тургеневе и П. Виардо, создателю первого в мире музея писателя («Угол Тургенева» в основанном художником Саратовском музее им. Радищева).

М. Антокольского (офорт В. Матэ) и В. Верещагина (гравюра В. Боброва) Тургенев почитал гениями, отдавая им предпочтение перед остальными русскими художниками.

П. Третьяков (офорт В. Матэ) – главный заказчик портретов Тургенева, которого можно считать представителем портретистов писателя.

Портрет молодой красавицы Жозефины Полонской, скульптора-любительницы, автора бюста на могиле Тургенева, олицетворяет собой тургеневских женщин, и знакомых, и напоминающих его героинь.

В разделе театра выделен любимый актер Тургенева М. Щепкин, для которого предназначались некоторые роли в его пьесах.

Выделение музыкантов – Листа и Берлиоза продиктовано их ролью в карьере П. Виардо и успехом среди русской публики.

ХРАМОВО-ЛИТУРГИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ ТУРГЕНЕВСКОЙ ПОЭТИКИ

(на материале «Записок охотника» и «Дворянского гнезда»)

Г. В. Мосалева

«Записки охотника» и «Дворянское гнездо» – произведения, в которых наиболее ярко проявляются свойства Тургенева как художника-почвенника. «Художественную поэтичность» в них образуют храмово-литургические образы, являющиеся символическими, субстанциальными. Образ русской земли в этих произведениях воплощается в храмово-литургических символах, подчиняя архитектурной логике само пространство природы. Храмово-литургические образы формируют структуру «Записок охотника», через которую развивается и углубляется их семантика. Пейзаж у Тургенева часто выступает как символ трансцендентного, где храм является неотъемлемой частью русского пейзажа, тем самым сакрализуя его, причем «храмовые пейзажи» Тургенева порой выразительно сообщают об изменениях в исторической и культурной жизни России.

Природа у Тургенева – нерукотворный храм, в котором совершается богослужение. В силу этого тургеневский пейзаж приобретает свойство *литургичности*, подкрепляемое экзистенциальными звуковыми (колокольным звоном) и световыми (природными, иконичными) символами, в результате чего происходит постоянное взаимоперетекание времени: природного в литургическое и литургического в природное.

«Запискам охотника» и «Дворянскому гнезду» свойственны *световые и солнечные пейзажи*. Природа у Тургенева не просто живая, она носительница «христоцентричных» свойств: тишины, кротости, любви, покоя, чистоты. Эти свойства передаются идеальным героям Тургенева. Субстанциальные свойства личности тургеневских героев испытываются экзистенциальными ситуациями (болезнью, одиночеством, страхом, смертью).

В «Записках охотника» героические характеры вырастают на христианской почве. Вера, утраченная дворянами, оказывается для героев-«хрестьян» Тургенева источником духовной силы. Сюжеты этих героев сопровождаются *мотивами креста или крестного знамени*, усиливаются *иконическими* мотивами (указание на красный угол, теплящуюся перед образами лампадку). Крест соотносится с сюжетами скорбных судеб героев, выступает как знак верности героя Христу и исповедания веры («Смерть»), выступает в значении защиты от нечистой силы («Бежин луг»). На почве веры, как правило, происходит объединение крестьян и дворян («Певцы»). В «Записках охотника» во многообразии воплощается тип «божьих людей»: неприкаянных, юродивых, странников (Ермолай, Яков Турок, Павлуша, Ермолай, Герасим, Степушка, Касьян, Матрена, Акулина, Лукерья).

Храмово-литургической доминантой «Записок охотника» является рассказ «Живые мощи», включенный Тургеневым в цикл значительно позднее, в 1874 году. Повествование совмещает в себе принципы житийного канона и иконы как текста-экфрасиса, развертывающегося по законам обратной перспективы.

«Дворянское гнездо» – самый «храмовый» роман Тургенева. Его композиции присуща храмово-литургическая структура, сюжетным центром которой являются *церковные службы*: две литургии и всенощная, принципиально значимые в развитии сюжета, завершающегося «в монастыре».

Образ святости русской земли, изображаемый Тургеневым в «Записках охотника», получает в «Дворянском гнезде» дальнейшее углубление, историческую ретроспективность через связь с жанрами древнерусской словесности (воинских повестей, летописей). Между «кротким» героем Тургенева и русской природой наблюдается симфония согласия. Природные образы связаны у Тургенева не только с психологическими характеристиками героев, но и с передачей феноменов религиозно-мистического опыта

богообщения. Лиза обращается к христианству как ответу на свой личный вопрос о жизни и смерти, о бессмертии души, а не как факту культуры, истории и морали, в отличие от Лаврецкого. Сюжеты Лизы и Агафьи Власьевны строятся в соответствии с житийными топосами. В «Дворянском гнезде» сюжет смерти–воскресения в той или иной степени присущ многим героям романа, умирающим для мирской жизни и рождающимся для вечности. Храмовые сюжеты в романе образуются с помощью храмовых мотивов, среди которых значим мотив покаяния и отказа от надежд на земное счастье. Лаврецкий по отношению к Лизе выступает как искушитель. Он, как и Варвара Павловна, тоже пытается выпить из «заветного кубка» «вино наслаждения». Лаврецкий смиряется перед народной правдой, он в России у себя дома, но он «прячется» от Бога «в уголке», разговор со Спасителем ему не нужен. В храме он больше наблюдатель, чем молящийся. В финале романа Лаврецкий испытывает чувства «неполноты», «бесполезности жизни», «одиноким старости», «бездомного странничества».

ТУРГЕНЕВСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА

В. В. Никульцева

Игорь-Северянин неоднократно признавался в своей любви к классическому культурному наследию. В автобиографическом романе в стихах «Падучая стремнина» (1923) одним из любимых писателей им назван И. С. Тургенев: «В ту пору / Мои стихи рождались под влияньем / Классических поэтов. Декаданс / Был органически моей натуре, / Здоровой и простой по существу, / Далек и чужд. На графе Алексее / Толстом и Лермонтове вырос я. <...> Из классиков Тургенев с Гончаровым / Излюблены мной были: русских женщин / Они познали сущность».

Впервые Тургенев упомянут Игорем-Северянином в стихотворении 1910 года: «Вчера читала я, – Тургенев / Меня опять зачаровал»

(«Письмо из усадьбы»). Это стихотворение вошло в принесший поэту всероссийскую славу сборник «Громокипящий кубок» (1913), в котором эгофутурист афиширует свои художественные приоритеты и литературные пристрастия. Таким образом, введение стихотворения «Письмо из усадьбы» в этот программный сборник свидетельствует о том, что Игорь-Северянин открыто демонстрирует себя как продолжателя традиций Золотого века русской литературы.

Тургеневские аллюзии прослеживаются в таких дореволюционных произведениях Игоря-Северянина, как «Я запою» (1903), «Моя дача» (1908), «Под настроеньем чайной розы» (1909), «Мой сад» (1910), «Женская душа» (1910), «Интим» (1911), «Будь спокойна» (1912), «Дачный кофе» (1913), где воспеваются женская душа и среднерусские пейзажи.

В эстонский период творчества поэт вновь обращается к тургеневским образам и мотивам: с одной стороны, классик, знаток женских душ, противопоставляется бездушному новому поколению людей, провозглашающих модернизм с его тягой к натурализму и пошлости («Поэза упадка», 1918; «Пенсионеры двух “мадам”...», <1924>), с другой – имя Тургенева по-прежнему ассоциируется с чистотой и прелестью славянской женщины («Любовница», 1929).

Развернутой аллюзией на произведения Мятлева и Тургенева звучит стихотворение Игоря-Северянина «Классические розы» (1925). Сонет же «Тургенев» (1925), своеобразное поэтическое приношение литературному предшественнику, входит в книгу Игоря-Северянина «Медальоны» (1934), где имя классика, наряду с другими именами великих писателей и композиторов, окружено ореолом загадочности и святого мученичества.

РУКОПИСНАЯ МОНОГРАФИЯ С. Н. ШИЛЬ «БЕЗВЕРИЕ ТУРГЕНЕВА»

И. В. Овчинкина

Софья Николаевна Шиль (1863–1928), детская писательница, поэтесса, драматург, переводчица, фольклорист и педагог, как

исследовательница творчества И. С. Тургенева до сих пор остается тургениведом-маргиналом по причине незначительного количества опубликованных при жизни работ. Под ее постоянным псевдонимом Сергей Орловский¹ при жизни вышли в свет:

- 1) И. С. Тургенев, его жизнь и труды. Биографический очерк Сергея Орловского. М., 1910;
- 2) Тургенев // Из жизни наших писателей. Литературные очерки. СПб., 1913;
- 3) О религиозных исканиях Тургенева. Статья // О Тургеневе / Сост. П. П. Перцов. М., 1918;
- 4) Тургенев в переписке с П. Гейзе. Предисловие и послесловие // Печать и революция. 1925. № 7. С. 96–111;
- 5) Предисловие к трем письмам Тургенева к А. П. Ефремову // Новый мир. 1926. № 5;
- 6) Лирика молодого Тургенева. Прага, 1926. 300 с.

Неопубликованными и малоизвестными остались два ее доклада, прочитанные в Обществе любителей российской словесности при Московском университете: «Идея подвига у Тургенева» (1922, 33 л.), «Тургенев и новелла: Опыт типологической характеристики» (1925, 26 л.) и автограф белой статьи со значительными вставками с «перевернутым» ошибочным заглавием «Тургеневские мотивы в новеллах Тика: К романтическим течениям в творчестве Тургенева» (1926, 54 л.).

В 20-е годы С. Н. Шиль готовила к изданию монографическое исследование «Лирика молодого Тургенева», которое должно было выйти с предисловием Г. И. Гроссмана. В 1927 году за свой труд она получила предварительный гонорар в Гослитиздате и даже расписку в том, что ее работа будет опубликована без сокращений, но из-за неожиданного конфликта с автором предисловия уже поступившая в типографию рукопись была отклонена В. Елагиним. В записке, отправленной через третьих лиц, он сообщал: «Ввиду тяжелого производственного положения литхуда договор с Вами предполагаем расторгнуть»².

Неизданными оказались и еще две монографические работы – «Поэмы Тургенева» и «Безверие Тургенева. Материалы для исследования его религиозной драмы». Сама С. Н. Шиль в письме

¹ Другие псевдонимы: С. О., Ш.

² Письмо С. Н. Шиль к П. Н. Сакулину от 16 декабря 1927 г.: РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. № 999. Л. 42.

к П. Н. Сакулину от 29 марта 1927 года характеризовала свою работу над текстами поэм как «композиционный и стилистический разбор», который «видно уж не придется закончить»³. Над «Безверием Тургенева» работа началась в 1925 году и продолжалась до самой смерти исследовательницы. Объем этой оставшейся незаконченной работы – 19 глав из 36 задуманных – составляет три тетради рукописного текста (313 л.)⁴. К ним прилагается россыпь черновых материалов (137 л.)⁵.

Судя по частным высказываниям С. Н. Шиль, именно эта последняя работа стала для нее наиболее значимой в числе прочих тургеневских штудий. Анализ ее корреспонденции⁶ позволяет установить не только крайние даты работы над рукописью (1925–1928), но и этапы работы, осложнявшейся болезнью и многомесячным пребыванием в неврологическом отделении Солдатёнковской больницы. Монография, задуманная в четырех частях, предполагала 35 глав и заключение. В рукописи главы обозначены римскими цифрами, однако содержание каждой главы с разной степенью информативности описано ею в рабочем оглавлении.

Часть 1-ая

- I. Место Тургенева в истории русского религиозного миропонимания второй половины XIX века.
- II. Скрещенье мысленных путей трех великих художников слова.
- III. Какие материалы о детской религиозной жизни Тургенева имеются доньше? Запросы моральные. Жизнь и смерть.
- IV. Крушение детской веры. Драма «Стено», религиозная исповедь юноши-атеиста.
- V. Раннее студенчество. Религия красоты.
- VI. Русские студенты за границую. Новые религиозные воздействия.
- VII. Гегель. Феноменология, Наука Логики, Энциклопедия. Мысли о морали, о личности, о Божестве.

³ Там же. Л. 29.

⁴ ОРКиР НБ МГУ. Ф. 11. Оп. 1. Карт. 1. № 6, 7.

⁵ Там же. № 5.

⁶ Сергей Орловский (С. Н. Шиль). Мемуары. Письма. Переводы. Стихотворения / Сост., автор вступит. статьи и коммент. И. В. Овчинкина. М.: РГГУ, 2017. 399 с.

- VIII. Отражение гегельянских концепций в переписке Михаила Бакунина 1840–1841 гг. Бог и личность.
- IX. Гегельянские настроения Тургенева-студента 1840 г.
- X. Тургенев до 1843 года. «Параша». «Соперник».
- XI. 1843. Потребность пересмотра и итога. Белинский, шестичасовые беседы о Боге. Гегель: Философия религии; Шеллинг, Фейербах.
- XII. Поэма «Разговор» и стихи: «Когда я молюсь», – литературное отражение религиозных настроений 1843–45 годов.

Часть 2-ая

- XIII. Общий обзор десятилетия 1845–1855 годов. Тургенев в разнообразной писательской деятельности. Гоголевские элементы. Выпады против философии и против Гегеля в частности. Охлаждение к вопросам религиозного порядка. Безрелигиозность «Записок Охотника». Моральная проблема: сущее и должное.
- XIV. Десятилетие 1845–1854 в личной жизни Тургенева. Французские влияния и французские события. Французские книги. Театр Кальдерона.
- XV. В России начала 50-х годов. Аксаковы, их отношение к «Запискам Охотника». В чем старая манера. Русская стихия в этой поре жизни Тургенева. Безрелигиозность произведений этого периода. Рассказ «Переписка».
- XVI. Позитивизм как миропонимание. Роль науки в культурном строительстве. Высвобождение в творчестве Тургенева самостоятельных моментов. Сила чувства. Трагическая красота. Трагическое в жизни. Таинственное.
- XVII. Потрясения в личной жизни Тургенева за 1854–57 год. Скрытые энергии в нем, высвобожденные этими событиями. В Италии с А. А. Ивановым. Суждение о Штраусе и о творчестве А. Иванова. Христос. Мистические эскизы к библейской истории. Скитания и тоска.
- XVIII. Письма Тургенева к графине Ламберт как его религиозная исповедь. Личность графини. Религиозные темы в переписке. Формулировка тургеневского неверия. Религия, христианство, православие.
- XIX. Религиозные элементы романа «Дворянское гнездо».

Вторая половина 50-х годов в жизни и творчестве Тургенева.

XX. «Фауст». «Поездка в Полесье». «Накануне». Загадка жизни и смерти. Человек и природа. Мистические начала бытия.

Распределение материала с 20-ой главы.⁷

XX. Вторая половина 50-х годов в жизни и творч<естве> Тургенева. Субъективизм и философские антитезы. «Фауст». – «Ася». – «Первая любовь». – «Накануне». Итоги наблюдений над жизнью и личн<ых> событий.
«Поездка в Полесье». Стремление замаскировать. Мужество жизни в народной стихии. Сила духа в его борениях. «Накануне» в первой и второй обработке: их течение в творческой работе. Страстная потребность самоопределения.

Часть 3-я

- XXI. Роман «Отцы и дети» как пережитая Тургеневым «трагедия всей европейской семьи». Утрата веры в культурные ценности. Тернии славы и непонимания. Готовность почти на суд близорукого и оскудевшего исторического дня. Важное для нашей темы в романе. Смерть как отрицание отрицания. Постулат бессмертия.
- XXII. Потребность нового пересмотра своего credo и нового подведения итогов. Концы и начала Герцена. События внеш<ней> и внутр<енней> жизни до 1865 года. Слава, ее тернии. Работа не-дилетантская. Попытка принять активное участие в культурном строительстве России – возрождение веры в культуру, отсюда к Потугину в «Дыме». Суждение о Потугине в письме.
- XXIII. «Призраки». Анализ философских идей, разработанных в рассказе. Образ нематериального существа. Связь земного человека с миром видений.
- XXIV. «Довольно». Философские и религиозные элементы. Связь их с пережитым умонастроением. Нематериальность любви. Перевод «Тьмы» Байрона 1846 г. Пути науки.

⁷ К черновому списку добавлены два листа 4а и 4б, дополняющие содержание общего списка глав. Чтобы не вносить путаницы, текст скорректирован.

- XXV. Мистическое начало в Тургеневе. Юлиан Шмидт, Оман, иностранцы другие. Мистические переживания как предмет изображения в искусстве. Стремление замаскировать противоположные личные интересы. Мистика народная. Прозорливцы, юродивые, святость на земле. Народный рационализм. Песня о Ваське Буслаеве в «Дыме», атеист в народе. Взгляд Т<ургенева> на безверие рус<ского> народа.
- XXVI. Шопенгауэр. Элементы его философии в тв<орчестве> Т<ургенева>. Безнадежный взгляд на жизнь. Письмо 1849 г. о звездах. Спенсер. Преклонение перед непознаваемым.
- XXVII. Шестидесятые годы и одиночество в них Тургенева. Духовное оскудение 1850–1880 годов. Резиньяция. Застарелое одиночество. Семейные дела. Фет в Куртавнеле. Внешнее благополучие и слова Фету, что уста застыли от молчания. «Вечность». [Тайное желание смерти Луи Виардо].
- XXVIII. Тургенев-визионер. Здесь собрать все данные о видениях, какие ему мерещились. Вера в их реальность.
- XXIX. Мистика в творчестве. Мистические темы, мистические моменты. Явления, затронутые Тургеневым из сферы ясновидения, предчувствия, сна, таинственных случайностей, внушения и гипноза. Отношение автора к своим повествованиям. Религиозные моменты в этих рассказах. [Юм. Белевский мещанин. Запись о собаке. Отношение к своей теме в рассказе «Странная история». Двойственность].

Часть 4-ая

- XXX. Последнее десятилетие жизни Тургенева (1873–1883). Общий обзор событий его частной и писательской жизни. Смерти друзей. Некрасов. Поездки в Ясную Поляну. Расцвет творчества в «Вешних водах».
- XXXI. «Живые Мощи». Христос у Т<ургенева>. Бердяев о мировом значении Христа. Переписка (ответ на вопрос об истине); Христос у А. Иванова; Христос и Лиза; тетка Платона в «Кларе Милич»; Видение; Лукерьян сон. Слова из письма к гр. Ламберт: я не христианин. Практическое применение христианства.
- XXXII. «Часы». «Сон». «Песнь торж<ествующей> любви». Отсутствие обществ<енных> элементов. «Новь».

XXXIII. Работа над романом о русских социалистах и искателях правды.

[Наброски нового романа. Религ<иозный> хар<актер> рус<ского> социализма].

XXXIV. *Senilia*. Группировка пьес по тематике. Религиозные и философские проблемы их решения. Связь с предыдущим творчеством. «Монах». «Молитва».

[Постулат бессмертия: «Дворянское гнездо». «Несчастливая». «Отцы и дети»].

XXXV. «Клара Милич» = После смерти. Преодоление смерти. Кончина Тургенева.

XXXVI. Заключение.

В докладе предполагается обзор написанных глав и их историко-литературный и философский комментарий.

«СТУК... СТУК... СТУК!» И. С. ТУРГЕНЕВА
И «ЛЕЙТЕНАНТ БУРДА» Ф. ФОН ЗААРА:
К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИЛЛЮЗИИ
В РЕАЛИСТИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Л. Н. Полубояринова

В ряду австрийских тургеневцев – поклонников, популяризаторов и «последователей» (активно претворявших в собственных произведениях содержательные элементы и повествовательные стратегии русского автора) творчества И. С. Тургенева, таких как публицист и переводчик Мориц Гартман (Moritz Hartmann; 1821–1872), литературный критик Фердинанд Кюрнбергер (Ferdinand Kürnberger; 1821–1879), прозаики Мария фон Эбнер-Эшенбах (Marie von Ebner-Eschenbach; 1830–1916), Леопольд фон Захер-Мазох (Leopold von Sacher-Masoch; 1836–1895) и Карл Эмиль Францоз (Karl Emil Franzos; 1848–1904), – новеллист Фердинанд фон Заар (Ferdinand von Saar; 1833–1906) занимает особое место. Специфика рецепции Зааром творчества Тургенева, о котором ав-

стрийский автор неоднократно восторженно высказывался как о своем непревзойденном образце (см., в особенности, его переписку с княгиней фон Гогенлоэ), заключается в установке на воспроизведение на собственном материале и в медиуме немецкоязычной прозы поэтики и повествовательной техники русского писателя.

Будучи отмеченным уже в обзорных работах первой трети XX века (Р. Лацке, Г. Табак), «тургеневизм» Заара, основанное, в том числе, на общем для двух авторов интересе к философии А. Шопенгауэра и к образу «сильной женщины», становится объектом специального и подробного изучения в диссертации О. Ханиш 1986 года. Сосредоточившись, ввиду наличия в них очевидных следов тургеневского влияния, в основном на таких новеллах Заара, как «Джиневра» (воспроизводящей сюжет и систему персонажей «Вешних вод») и «Марианна» (обнаруживающей явное сходство с тургеневским «Фаустом»), Ханиш, однако, упускает из виду еще один явственный случай тургеневского влияния на Заара: новеллу «Лейтенант Бурда» («Leutnant Burda», 1887), носящую явственные черты сходства с повестью «Стук... стук... стук!» (1870).

В докладе предполагается рассмотреть параметры сходства двух произведений на уровне сюжета и системы персонажей и сосредоточиться в итоге на образах протагонистов – Теглева и Бурды – и двух рассказчиков, соответственно, тургеневского и зааровского, в повествовательском сознании которых происходит аккумулярование представления об «исключительности» соответствующего протагониста, с последующим наделением его образа «особой» загадочностью и мистичностью, нередуцируемой к «реалистическим» мотивировкам повествовательного дискурса.

ДОМ-МУЗЕЙ И. С. ТУРГЕНЕВА КАК ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО И АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА НА ОСТОЖЕНКЕ, 37

Е. В. Полянская

Тема сообщения – итоги научной реставрации мемориального дома на Остоженке, 37, который в 1840-х годах снимала мать

писателя В. П. Тургенева, а также создание новой экспозиции, посвященной личной и творческой биографии И. С. Тургенева, ее московским страницам. Согласно реставрационному проекту, продолжением экспозиции, расположенной в главном доме, становится парк в историческом пространстве городской усадьбы, призванный создать образ «дворянского гнезда» середины XIX века. В единый музейный комплекс входит также Тургеневский сквер, разбитый на территории бывшего церковного владения. Одновременно с открытием музея здесь будет установлен памятник Тургеневу, который станет архитектурной и смысловой доминантой музейного комплекса и логическим завершением экспозиции в мемориальном доме.

ТУРГЕНЕВ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ: ЭСТЕТИЧЕСКОЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Г. М. Ребель

Будучи человеком самокритичным, распространяющим скепсис как способ мышления прежде всего на самого себя, И. С. Тургенев невольно задал тенденцию оценки своего творчества высказываниями, в которых отводил себе в истории литературы весьма скромную роль: «Я один из писателей междуцарствия – эпохи между Гоголем и будущим главою: мы все разрабатывали в ширину и в разбивку то, что великий талант сжал бы в одно крепкое целое, добытое им из глубины»¹, – писал он С. Т. Аксакову в 1856 году. В том же духе и тогда же – Л. Н. Толстому: «...я писатель переходного времени – и гождусь только для людей, находящихся в переходном состоянии»².

Историки литературы нередко рассматривают Тургенева именно в таком – *переходном*, вторичном – ракурсе: как последователя Н. В. Гоголя в рамках «натуральной школы», как предтечу (а затем

¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1961. Т. III. С. 32.

² Там же. С. 43.

и последователя) Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, как «парную» фигуру относительно И. А. Гончарова.

Однако эта точка зрения нуждается в принципиальном пересмотре.

Тургенев – явление системообразующее в русской литературе второй половины XIX века и чрезвычайно важное, актуальное в рамках русской культуры в целом.

Для уяснения этого целесообразно сопоставить Тургенева – мыслителя и художника – с его предшественниками и современниками, проанализировать его отношение к ним.

В докладе мы остановимся на отдельных аспектах такого сопоставления.

Если относительно А. С. Пушкина можно говорить о преемственности Тургенева, то относительно Гоголя Тургенев уже как автор «Записок охотника» выступает Анти-Гоголем, ибо демонстрирует принципиально другой подход к материалу, другие принципы создания художественного образа, другую систему эстетических координат. В связи с этим встает вопрос о необходимости уточнения понятия «натуральная школа» как применительно к Гоголю, так и применительно к Тургеневу.

Традиционный подход к романам Тургенева и Гончарова как принадлежащим к одной разновидности социально-психологического романа представляется неверным: в отличие от Гончарова, сосредоточенного на воспроизведении социально-психологических аспектов действительности, Тургенев был создателем идеологического романа, в составе которого социально-психологическое начало, безусловно, присутствовало, но не было определяющим. Художественный мир романов Тургенева и Гончарова строится на принципиально разных основаниях: в первом случае – это испытание героя-идеолога на личностную состоятельность; во втором – это предъявление сложившегося социального типа во всей полноте его социально-исторических и личностных характеристик. С точки зрения типологической, роман Тургенева является предтечей романа Достоевского, который во многом и возник как полемический ответ на тургеневский эстетический вызов. Однако и эти две романские формы квалифицируются по-разному, ибо представляют собой разные подвиды идеологического романа: идеологический роман-как-жизнь (Тургенев) и идеологический роман-эксперимент (Достоевский).

Говоря о соотношении Тургенев – Толстой, необходимо остановиться прежде всего на особенностях художественного психологизма в творчестве писателей, ибо именно этот аспект убедительно демонстрирует, с одной стороны, принципиальное различие художественных систем, а с другой – равноценную значимость противоположных художественных стратегий.

Идеологическая полемика Тургенева с Гоголем, Достоевским, Толстым была в определенном смысле не только мировоззренческим противостоянием, но и продолжением и переводом в социально-политическую плоскость разных художественных стратегий, т. е. разных подходов к человеку, а соответственно и разных принципов его изображения.

И. С. ТУРГЕНЕВ В КОМИТЕТЕ, УЧРЕЖДЕННОМ ПРИ ДИРЕКЦИИ ТЕАТРОВ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ПЬЕС, ПОСТУПАЮЩИХ ОТ АВТОРОВ ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НА ТЕАТРЕ (1856)

А. В. Романова

Об участии И. С. Тургенева в каком-либо комитете по рассмотрению пьес до сих пор не было известно. Эта подробность выяснилась случайно, при работе над комментарием для т. 11 ПССиП И. А. Гончарова. В «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова» есть указания А. Д. Алексеева на участие Гончарова в театральных комитетах, что позволило обнаружить соответствующие документы в РГИА. Рядом с ними оказались документы с упоминанием Тургенева.

Театрально-литературный комитет – совещательный орган при Дирекции императорских театров. «Комитет, учрежденный при Дирекции театров для рассмотрения пьес, поступающих от авторов для представления на театре» – первоначальное название этого подразделения – был учрежден по высочайшему повелению распоряжением министра императорского двора графа В. Ф. Адлерберга в 1856 году.

Первые приглашения от директора императорских театров А. М. Гедеонова для участия в Комитете и присутствия на заседании 14 марта 1856 года были разосланы в середине марта. Тургенев присутствовал на пяти заседаниях с 14 марта по 28 апреля 1856 года, известны пьесы, в обсуждении которых он принимал участие, но, к сожалению, не обнаружено отзывов, которые были бы написаны им лично, так как решение Комитета было коллегиальным.

Можно предположить, что Тургенев участвовал в разработке первоначального текста положения о Комитете весной 1856 года.

11 августа начальник репертуарной части П. С. Федоров предлагал А. М. Гедеонову включить Тургенева в комитет, который должен был заниматься рассмотрением пьес, представленных на конкурс по поводу 100-летнего юбилея русского театра, однако имя Тургенева в списке членов этого Комитета не фигурирует.

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА И. ТУРГЕНЕВА В РОМАНЕ Л. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»: ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Н. И. Романова

1. Роман Л. Толстого «Анна Каренина» был опубликован на страницах московского журнала «Русский вестник» (1875–1877). Новое произведение уже маститого автора вызвало живейший интерес у современников. На роман откликнулись многочисленные периодические издания – от крупнейших, широко популярных до профильных, с небольшим числом подписчиков. Развернувшаяся вокруг текста полемика отразила особенности историко-литературного процесса второй половины XIX века, когда оценка художественного произведения часто зависела от его «общественной полезности».
2. И читатели, и критики оценивали «Анну Каренину», с одной стороны, в контексте творчества Толстого, прославленного севастопольскими рассказами, «Казаками», «Войной и миром»; с другой – в сопоставлении с русскими романистами, современ-

- никами писателя. Нередко в рецензиях на «Анну Каренину» звучали имена Ф. Достоевского, И. Гончарова, А. Писемского. Чаще всего Толстой сравнивался с И. Тургеневым: оба перво-классные художники слова, тонкие психологи, чуткие ценители природы; оба создатели неповторимого творческого мира, обладающего ярко выраженной авторской индивидуальностью.
3. Чаще всего имя Тургенева привлекалось рецензентами, пишущими об «Анне Карениной», с целью выявления источника толстовского вдохновения. Распространенным было мнение, согласно которому Тургенев провозглашался художником с живым интересом к проблемам «текущего дня», а Толстой, наоборот, причислялся к натурам без «темперамента общественного служения». В зависимости от идеологических убеждений самих критиков выносились соответствующие приговоры «общественному роману» Тургенева и «roman intime» Толстого. В целом такое сопоставление было в духе той острой полемики о целях и задачах художественного произведения, который отличал литературную эпоху 1860–1870-х годов.
 4. Среди прижизненных критических отзывов на «Анну Каренину» встречались и такие, которые посвящались собственно литературным вопросам. Творчество Тургенева в свете сопоставления с толстовским произведением рассматривалось в самых разных аспектах. Рецензенты проводили аналогии между женскими образами (Анна Каренина и княжна Засекина из повести «Первая любовь», Ирина из романа «Дым»; Алексей Александрович и Сипягин из романа «Новь»); выявляли особенности повествовательной манеры (соблюдение композиционных пропорций, гармонизация основного действия с описаниями), анализировали излюбленные мотивы творчества и способы их художественного воплощения (любовь, пейзаж, смерть).
 5. Глубокий сравнительный анализ двух художественных систем не был главной задачей рецензентов, откликнувшихся на «Анну Каренину», не становился предметом самостоятельной статьи и в основном имел форму попутных замечаний. Однако наблюдения критиков имели большое значение не только для выявления своеобразия художественного метода каждого из авторов, но и для понимания жанровой природы русского романа и его отличий от европейских образцов. Осмысление «Анны Карениной» в свете тургеневской поэтики придавало критическим от-

зывают важное эстетическое значение, поскольку поднимало их над идеологической полемикой своего времени и погружало в художественный мир произведения.

КУРСКАЯ ЗЕМЛЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

Е. А. Самофалова

Орловская, Тульская, Калужская и Курская земли были одинаково близки Ивану Сергеевичу Тургеневу, исходившему их в своих охотничьих странствиях. Упоминания о них появляются уже в «Записках охотника».

Матери Тургенева принадлежали обширные имения в Щигровском уезде Курской губернии, в частности Семеновка. В одном из писем к сыну Ивану В. П. Тургенева отзывалась о нем как о богатом и зажиточном – «потому что управлял доселе Василий Кудинович, бурмистр» (12 июля 1842 г.). Позже имение принадлежало брату Николаю, и писатель любил посещать его, чтобы поохотиться на дичь.

По предположению Ю. А. Бугрова, «жил Тургенев и в Курске. Возможно, брат Николай имел свой дом в Курске, и Тургенев останавливался в нем. Посещал местный общественный клуб, где играл в шахматы, общался с членами клуба»¹.

Курский колорит «Записок охотника» уловил И. А. Гончаров, так описав свои ощущения по прочтении рассказов Тургенева: «...как заходили передо мной эти русские люди, – запестрели березовые рощи, нивы, поля <...> – все забыл. Орел, Курск, Жиздра, Бежин Луг – так и ходят около»².

Точность изображения, присущая манере Тургенева-художника, присутствует и в описаниях Курска, и в зарисовках местных характеров и типов, и в пейзажах края, что косвенно подтверждает знакомство писателя с колоритом края не понаслышке. Курская

¹ Бугров Ю. А. Курские встречи. Воронеж, 1991. С. 118.

² Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1956. Т. 8. С. 262.

губерния выбрана местом действия в рассказах «Бурмистр» (1847), «Контора» (1847) и «Гамлет Щигровского уезда» (1849). Изображенный в них мир русской жизни наполнен самобытными характеристиками, описаниями знакомых мест.

В рассказе «Бурмистр» у помещика Пеночкина всеми делами вершит тиран-бурмистр. «Собака, а не человек, такой собаки до самого Курска не найдешь»,³ – говорят о нем мужики. В этой реплике передано характерное для всей губернии положение, когда крупные помещики, не желая себя утруждать, все ведение хозяйства передавали бурмистрам, старостам, а те не забывали и о себе.

В рассказах «Контора» и «Касьян с Красивой Мечи» воспета тонкая и неброская красота природы Курской земли, глубоким пониманием которой обладает Касьян: «Вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божья-то благодать!»⁴. Касьян не раз ходил и в Курск, и далее, за знаменитыми курскими соловьями – «не на погибель их живота, а для удовольствия человеческого, на утешение и веселие»⁵.

О знаменитых курских соловьях, которые «поют как никакие другие», упомянуто в рассказе Тургенева «О соловьях», посланном С. Т. Аксакову – «любителю и знатоку всякого рода охот»: «У них свои трели, особенные колена, среди которых наиболее редким, своеобразным считается “кукушкин перелет”». Рассказчик – старый и опытный охотник из дворовых людей – только два раза в жизни слышал «кукушкин перелет», и оба раза в Тимском уезде Курской губернии. Знатокам соловьиного пения курские мужики конкуренцию не составляют: им «все равно; еще смеются, пожалуй. Мужик груб; ему что соловей, что зяблик – все едино. Не их разума дело. Их дело – пахать, да на печи лежать с бабой». Слова эти, записанные в 1854 году, стали прямой переключкой с более ранним рассказом. В монологе Гамлета Щигровского уезда, не способного самостоятельно понять уроки русской жизни, со свистом курских соловьев сравниваются витийства московских славянофилов.

В «Записках охотника» курский колорит 40-х годов XIX века наиболее полно представлен в рассказе, первоначально названном «Гамлет Чернского уезда». Диапазон возможного выбора между Чернью и Щиграми был определен автобиографическими реалиями: с одной

³ Тургенев И. С. Записки охотника. М., 1991. С. 99.

⁴ Там же. С. 86

⁵ Там же. С. 85

стороны, материнская Семеновка Щигровского уезда Курской губернии, с другой – отцовское родовое имение Тургенево в Чернском уезде Тульской губернии. Автобиографические черты угадываются и в судьбе героя рассказа, и в его вынужденной самоиронии: «А уж если вы непременно хотите мне дать какую-нибудь кличку, так назовите... назовите меня Гамлетом Щигровского уезда. Таких Гамлетов во всяком уезде много, но, может быть, вы с другими не сталкивались...»⁶.

С Курским краем Тургенева связывало, в определенной мере, и общение с А. А. Фетом, который в 1877 году переселился в Воробьевку Щигровского уезда, где в последние пятнадцать лет жизни его «Муза пробудилась от долголетнего сна». В письмах Фет много раз приглашал Тургенева к себе.

Тургеневская карта Курской губернии, несомненно, может быть дополнена новыми именами и названиями. Это задача будущего.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В ПИСЬМАХ ВЕРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ РУБИНШТЕЙН

В. А. Сомов

Вера Александровна Рубинштейн (урожд. Чекуанова; 1841–1909), жена великого музыканта, основателя Петербургской консерватории Антона Григорьевича Рубинштейна, была одной из учениц Полины Виардо. Она обладала красивым голосом, до замужества мечтала об артистической карьере. Ее свадьба с А. Г. Рубинштейном состоялась летом 1865 года в Баден-Бадене, где она брала уроки пения у великой певицы. Среди немногих гостей на церемонии присутствовала и Виардо¹.

Сохранившиеся письма В. А. Рубинштейн к членам семьи Чекуановых² и к родственникам мужа³ представляют собой значительный корпус – около 150 документов и охватывают большой

⁶ Там же. С. 200.

¹ *Баренбойм Л. А.* Антон Григорьевич Рубинштейн. Л., 1957. Т. 1. С. 232.

² РНБ. Ф. 654 (А. Г. Рубинштейн).

³ НИОР СПбГК им. Н. А. Римского-Корсакова.

временной период: три десятилетия, с конца 1850-х по 1890-е годы. Большинство писем очень пространные, иногда по десятку страниц, заполненных четким уверенным почерком.

Все письма на французском языке, в традициях своей эпохи и своего круга Вера Александровна владела им совершенно свободно. Она даже пыталась заниматься литературными переводами с русского, однако И. С. Тургенев оценил это опыт невысоко, как «московско-французский»⁴.

Эпистолярное наследие В. А. Рубинштейн является ценным источником для истории русской культуры того времени⁵. Она описывает свою жизнь в России и за границей, гастроли мужа, собственные путешествия, рассказывает о русских и зарубежных музыкантах, актерах, писателях и т. д. Чтение было ее любимым занятием, она упоминает множество книг, в том числе сочинения Тургенева. Ее письма запечатлели образ женщины обладающей сильным характером, личности незаурядной, увлеченной театром, музыкой, литературой, имеющей свои собственные взгляды на искусство, твердую жизненную позицию. Они проникнуты искренностью, богаты фактами, содержат меткие наблюдения и глубокие суждения. В целом знакомство с этими документами позволяет изменить долго существовавшее в литературе мнение о ней как женщине «весьма далекой от художественных и умственных интересов, которыми жил ее муж»⁶.

А. Г. Рубинштейн и его жена были хорошо знакомы с Тургеневым. В письмах Веры Александровны упоминания о писателе, о семье Виардо и их окружении в основном относятся ко второй половине 1860-х – началу 1870-х годов. Из Баден-Бадена она пишет о встречах с Тургеневым, с П. Виардо, с ее мужем, Луи Виардо, и дочерью, певицей Луизой Эритт, вскоре ставшей профессором Петербургской консерватории. Рубинштейны посещают музыкаль-

⁴ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд. Письма: В 18 т. М., 1990. Т. 8. С. 137. Письмо М. В. Авдееву от 18 апреля 1868 г.

⁵ *Сомов В. А.* Вера Александровна Рубинштейн. Письма к родным // Антон Григорьевич Рубинштейн: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Т. З. Сквирская. СПб., 2016. С. 173– 245 (Петербургский музыкальный архив. Вып. 13).

⁶ *Баренбойм Л. А.* Антон Григорьевич Рубинштейн. Л., 1962. Т. 2. С. 120; См. об этом: *Мельник С. Я.* Новый взгляд на факты биографии А. Рубинштейна // А. Г. Рубинштейн: Сб. статей / Ред.-сост. Т. А. Хопрова. СПб., 1997. С. 186–196.

ные вечера Виардо. Тургенев и семья Виардо бывают в их доме. Во время болезни А. Г. Рубинштейна, в январе 1868 года, супруги Виардо ежедневно навещают его, «Тургенев также приходит или присылает справляться о здоровье»⁷. Об этих встречах Вера Александровна позднее рассказала в своих мемуарах, которые остались незаконченными. Они названы «Отголоски прошлого» и составлены в форме отдельных очерков⁸. Ее воспоминания довольно точны, богаты подробностями, поскольку, работая над ними, она использовала свои письма, сохранившие свежие впечатления.

А. Н. ПЫПИН И И. С. ТУРГЕНЕВ (к истории взаимоотношений)

Е. В. Степанова

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) – историк литературы и общественного движения, славист, этнограф, критик и публицист, академик ИАН (1898). По признанию современников, Пыпин – «литературно-научная летопись своего времени», «соучастник всех важнейших фактов русского умственного движения 2-й половины XIX в.»¹. Подобная оценка во многом обусловлена широтой профессиональной деятельности Пыпина, в которой научная работа шла параллельно с редакционной и публицистической в ведущих периодических изданиях. С 1853 по 1858 годы Пыпин публикуется в «Отечественных записках». В 1854 году приходит в «Современник»; с апреля 1863 года – войдет в его редакци-

⁷ РНБ. Ф. 654. № 95. Л. 3. Письмо В. А. Рубинштейн к родителям от 9 (21) января 1868 г.

⁸ Розанов А. С. И. С. Тургенев и П. Виардо в воспоминаниях В. А. Рубинштейн // Памятники культуры: Новые открытия. 1980. Л., 1981. С. 153–157; Жекулин Н. Г. Тургенев в кругу семьи Виардо // И. С. Тургенев: Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.; СПб., 2012. Вып. 3. С. 5–72.

¹ Пятидесятилетие научно-литературной деятельности академика А. Н. Пыпина // Литературный вестник. СПб., 1903. № 3. Отд. оттиск.

онный состав, а в 1865 году станет соредактором Н. А. Некрасова. После закрытия «Современника» в 1866 году Пыпин принял предложение М. М. Стасюлевича об участии в «Вестнике Европы» и вплоть до своей смерти фактически был его заместителем, «правой рукой». Круг знакомств Пыпина был разнообразен, включал имена многих выдающихся представителей культуры России второй половины XIX века.

В исследовательской литературе тема взаимоотношений Пыпина и Тургенева носит односторонний характер и в основном затрагивает вопросы их сотрудничества в «Вестнике Европы» 1870-х годов². Между тем несмотря на то, что Пыпин не входил в ближнее окружение Тургенева, общая парадигма их отношений носила более длительный и сложный характер.

Пыпин познакомился с Тургеневым в 1854 году. Сотрудничества не произошло, «с Тургеневым у меня дел никаких не было»³, – вспоминал Пыпин, однако оба находились в поле зрения друг друга. В письмах Тургенева встречаются эпизодические упоминания о Пыпине, в которых прослеживается изменение отношения к нему: от враждебного в 1860-е годы до позитивного в 1870-е. Несмотря на то, что в 1850-е годы Пыпин не участвовал в конфликте между радикальной и умеренно-либеральной частями редакции «Современника», в восприятии Тургенева он принадлежал к социалистам, был близок с двоюродным братом Н. Г. Чернышевским. Отказ Пыпина участвовать в «Отечественных записках» Некрасова, его приход и работа в либеральном «Вестнике Европы» со временем сгладили неприязнь и настороженность Тургенева к Пыпину. В 1870-е годы он доверяется мнению Пыпина, отдает ему на редактирование свои работы, в том числе позволяет ему совместно со Стасюлевичем и Анненковым внести поправки в знаменитую «Речь о Пушкине».

Тургенев неизменно высоко отзывался о трудах Пыпина: «с истинным наслаждением прочел их (Пыпина и Спасовича. – Е. С.) «Историю литературы у славянских народов»»⁴; «Прошу Вас креп-

² Кельнер В. Е. Человек своего времени (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993; Мостовская Н. Н. И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983.

³ Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов, 1996. С. 218.

⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1990. Т. 7. С. 20. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы.

ко пожать руку от моего имени Пыпину за его превосходную статью в последнем N-е: в первый раз в русской печати появилась такая вещь» (10, 276); «Пыпин «вернее моего взглянул на деятельность нашего великого критика (Белинского. – Е. С.), несмотря на то, что он не знал его лично, как я...» (14, 107).

Свое восприятие Тургенева в 1850-е годы Пыпин дал в главе воспоминаний, впоследствии вошедших в книгу «Некрасов». В «кружке» «Современника» он выделял Тургенева как писателя «самого сильного по таланту и самого крупного по литературному значению», интересного собеседника⁵. Спустя десятилетия в оценке редакционного конфликта 1850-х годов Пыпин выступил на стороне Чернышевского и Добролюбова, считая, что обострение отношений в редакции журнала явилось проявлением литературной и общественной борьбы, а не простой сменой поколений. По его мнению, Тургенев первоначально поддался влиянию своих друзей, но «в конце концов вступил в то литературно-общественное движение, начало которого... он встретил так неприязненно»⁶. Признавая значение писателя в развитии русской литературы, в 1877 году Пыпин публично отметил и ответственность Тургенева за «пущенное» им слово «нигилизм», в России «получившее полицейскую окраску»⁷.

Личное общение писателя и ученого по преимуществу было официально-деловым. В 1850–60-е годы они встречались у Некрасова в «кружке» «Современника», на заседаниях Литературного фонда, в 1858 году Пыпин, посещая Герцена, встретил у него Тургенева. Оба были участниками Пушкинских торжеств 1880 года. В 1877 году Пыпин выступил посредником последней встречи Тургенева с Некрасовым.

Как ученый Пыпин придавал значимость документу как важному историческому источнику. После смерти Тургенева Пыпин задумал составить материалы к биографии писателя. На страницах «Вестника Европы» неоднократно выступал с рецензиями на появляющиеся биографические издания о Тургеневе, публикации его эпистолярия.

⁵ Пыпин А. Н. Мои заметки. С. 218–219.

⁶ Там же. С. 250.

⁷ Степанова Е. В. Статья А. Н. Пыпина о Н. Г. Чернышевском и его издателях 1877 г. // А. Н. Пыпин: Материалы к биографии. Саратов, 2017. С. 107.

ТУРГЕНЕВ – АДРЕСАТ СТИХОТВОРЕНИЙ НЕКРАСОВА

М. Ю. Степина

Согласно академическому Полному собранию сочинений и писем Н. А. Некрасова, к И. С. Тургеневу обращены пять его стихотворений: «Я посягну на неприличность...» (13 декабря 1853), «<Тургене>ву» («Прощай! Завидую тебе...») (<21 июля 1856>) (впервые опубл.: Современник. 1856. № 10), «...одинокий, потерянный...» (1860) (впервые опубл.: Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1864), «Т<ургене>ву» («Мы вышли вместе... Наобум...») (14 или 7 июля 1861) и «Отъезжающему» («Даже вполголоса мы не пели...») (23 июля 1874) (впервые опубл.: Отечественные записки. 1878. № 1). Четыре поэтических обращения привязаны к памятным событиям и актуальны для поэта до конца его дней.

Первое – не публиковавшийся при жизни экспромт на обеде Тургеневу в честь его возвращения из ссылки – написано в период укрепившегося дружеского и творческого сближения и представляет собой сочетание эпиграммы и мадригала: смешные черты перечислены после заявления «И в этом боязливом муже / Я всё решительно люблю»¹. Второе, относящееся к тому же периоду, связано с проводами Тургенева за границу, в которых участвовал Некрасов. Оно представляет собой дружеское послание, развивающее тему взаимной любви и счастья, и опубликовано в журнале, несмотря на определенную интимность содержания (обмолвка о личном недовольстве своей судьбой и о разделенной любви своего друга).

Четвертое стихотворение отмечено более поздним пояснением Некрасова: «(Писано собственно в [1860] 1861 году, к которому и относится, когда разнесся слух, что Тургенев написал “Отцов и детей” и вывел там Добролюбова, теперь я только поправил начало)» (подробней см.: 3, 481). Рядом исследователей (В. Архипов, Ф. Я. Прийма, А. М. Гаркави) высказано предположение, что последние строки адресованы Н. А. Добролюбову (3, 481–482). По

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 120. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы.

форме это убеждение, развивающее мысль «ты был», «ты стал», «тебе надлежит быть». Стихотворение написано в ситуации тяжело переживаемого разрыва с Тургеневым (так же как «...одиноким, потерянный...», согласно авторским указаниям: 2, 369). Но в нем никак не проявляется чувство обиды отверженного друга, нагнетание отчуждения либо, напротив, просительность о возвращении доверия. Первые четыре катрена – почти панегирик, заключительные три – тоже (3, 189–190). Даже если предположить вслед за исследователями, что последние строки связываются в сознании поэта с Добролюбовым, композиционно они в полной мере относятся к Тургеневу. К этому (даже вне обращения к историко-литературному контексту) подводит логика развития его образа («Кому назначено орлом / Парить над русским миром» – 3, 190), в котором состояние нынешнего дня видится поэту недоразумением, не соответствующим его «великому сердцу» и личной смелости, которую Некрасов видит в Тургеневе, не веря «молве». Поэтическое обращение выявляет взгляд поэта на конфликт внутри «Современника», приведший к разрыву. В его глазах оба участника конфликта – люди, «идущие до конца», поэт не отказывает Тургеневу в этой способности, не противопоставляет его Добролюбову. Далее, популярность, которой стремительно достиг Добролюбов (биографический контекст), как будто бы позволяет интерпретировать фразу об «орле» и «кумире» как необходимое признание молодого оппонента. Но форма поэтического обращения убеждает в том, что в ситуации конфликта Некрасов не предпочитает одного оппонента другому, не входит в объяснения бытового характера. Он говорит об одном Тургеневе (возможный другой «орел» не маркирован личным местоимением), о высочайшем значении Тургенева в народном масштабе и для себя лично, о способности «идти до конца» в понимании общего дела, а не межличностного конфликта. Тот факт, что стихотворение не было предано гласности, свидетельствует о его искренности, а следовательно, проливает свет на позицию Некрасова: он не «выбрал Добролюбова», а принял выбор, сделанный Добролюбовым и Тургеневым.

Определенный пересмотр общей ситуации и личного к ней отношения заключается в желании Некрасова опубликовать и это, и пятое стихотворение в составе лирического цикла из двенадцати стихотворений, посвященного современникам; публикация цикла не состоялась. Пятое стихотворение, обращенное к Тургеневу, на-

писано после его приезда в Россию из-за границы в апреле – июле 1874 года, за три года до последнего свидания Некрасова и Тургенева, когда состоялось предсмертное примирение.

Местоимение «мы» и обращение «друг моей юности (ныне мой враг)» убеждает в органичности для Некрасова памяти о дружбе и общности, не отменяемой знанием о вражде со стороны друга юности. Стихотворение – подведение жизненных итогов. Положение оценивается как безнадежная схватка с «морем царящего зла», обреченная на то, чтобы «сгинуть» (3, 140). Между стихотворением 1861 года с мыслью об «идущих до конца» и стихотворением 1874 года с мыслью лишь о двух шагах этого пути («А на втором перервут тебе глотку» – 3, 140) лежит утверждение из неопубликованного стихотворения «Зачем меня на части рвете...» (1867): «Но жизнь не так же дешева!» (3, 47). Ни Тургенев, ни сам поэт не были «идущими до конца» в том определенном смысле, который выражался поэтической формулой «Иди и гибни безупречно» (2, 9). «Мы» в первой строке обнимает мысль о поколении, к которому принадлежали оба писателя и некоторые другие герои поэтического цикла. Это «мы» раскрывает себя как объединение (в прошлом), противопоставление («ныне»), но больше в надындивидуальном значении, как общность, утверждающая ценность человеческой жизни, свободы, творчества, близких отношений – вопреки «морю царящего зла». Эта общность обусловила обращение к Тургеневу – «друг», дав поэту основание заключить факт личной вражды к себе Тургенева в скобки.

ВЛИЯНИЕ И. С. ТУРГЕНЕВА НА КУЛЬТУРУ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ХХ–ХХІ ВЕКОВ

И. Н. Тишина

Исследование рецепций творчества и личности И. С. Тургенева в трудах представителей русской эмиграции ХХ–ХХІ вв. «зафиксировало» особый взгляд большинства гуманитариев русского зарубежья – взгляд с другой стороны рубежей Отечества – на тургеневское наследие и его переосмысление с позиции собственного опыта беженства.

Влияние творчества И. С. Тургенева в целом на культуру русского зарубежья особенно заметно проявлялось в том, что его не переставали читать, – тургеневские произведения были «тихой пристанью» и «величайшим наслаждением» для людей, перенесших трагедию гражданского противостояния. Тургеневская проза, особенно малая форма, ассоциировалась со старым «мирным» временем, позволяла не забывать о величии национальной культуры, даже при наличии ее трагического раскола на два непримиримых лагеря.

Особенно выразительно влияние тургеневского наследия в русском зарубежье проявляется в **творчестве писателей-эмигрантов**. Они нередко прямо вводят в свои произведения героев тургеневской прозы, пользуются реминисценциями и аллюзиями, погружая читателя в пространство интертекстуальности. Таким образом, через отсылки к тургеневскому тексту в сочинениях русских писателей в изгнании возрождалось потерянное Отечество, поддерживался ассоциативный ряд, связанный с родной литературой и культурой. Отдельного внимания заслуживает обращение литераторов русского зарубежья к образам **тургеневских мест**, воспроизведенных ими в художественной литературе, мемуарах, очерках и письмах. Тургеневские места стали частью единого духовно-культурного пространства России и русского зарубежья, способствуя формированию концепта «малой родины», имеющего огромное значение в социопсихологическом и социокультурном смыслах.

Духовное наследие И. С. Тургенева оказало влияние на творчество **философов и богословов** русского зарубежья. В их трудах был предпринят детальный анализ ключевых вопросов мировоззрения писателя, обсуждались ценностные основания социальной и художественной востребованности его произведений. Ряд авторов исследовал характер влияния на души и умы читателей «не декларируемой религиозности», которую демонстрировал в своих сочинениях Тургенев.

Отдельного внимания заслуживает переосмысление социальной функции общественно-политической деятельности И. С. Тургенева, ставшего для многих представителей русского зарубежья **примером русского либерализма**. Изучение наследия Тургенева повлияло на пересмотр отношения русской эмиграции к политике российского правительства с 1830-х гг. – 1917 г., изменило

многие оценки хода общественно-политической жизни страны этого периода. «Общественные романы» И. С. Тургенева были названы представителями русской эмиграции уникальной хроникой общественно-политической жизни России, а сам писатель – «провидцем» и «пророком» революционных событий, «учителем жизни», «умнейшим и образованнейшим» человеком своего времени, способным примирить Европу с большевистской Россией 1920-х – 1930-х гг.

Особым духовным завещанием для русских эмигрантов стал призыв Тургенева сохранить русский язык «во дни сомнений и тягостных раздумий» о судьбах родины после великого Исхода. Сбережение родного языка – непереносимое условие сохранения национальной идентичности, культурной самоидентификации русского писателя в инокультурном окружении, чему следовал и сам Тургенев.

Тургенев как «культурный посол» России в Европе и отчасти Европы в России стал ориентиром для многих писателей русского рассеяния, определявших свое особое место в мировой и национальной культуре и литературе.

Духовное наследие И. С. Тургенева продолжает оказывать **вли-
яние и на культуру русского зарубежья XXI в.**, что выражается главным образом в увеличении разнообразия организационных форм трансляции этого наследия как в Европе, так и в России; повышения резонансности мероприятий по сохранению и популяризации тургеневского наследия и в целом русского присутствия в Европе.

«...И ОЧИ В ПОТОЛОКИ»

Тургенев и Кохановская: взаимооценки

О. Л. Фетисенко

И. С. Тургенев и Н. С. Соханская (лит. псевдоним – Кохановская; 1823–1884) не были знакомы лично, принадлежали к разным направлениям, и едва ли между ними могло бы возник-

нуть глубокое общение. Однако был один момент (в конце 1850-х), когда Кохановская выдвинулась в первый ряд русских писателей, и именно тогда у Тургенева возник интерес к ней. Соханская же, с своей стороны, была давней его читательницей, но никогда литературной ученицей, а однажды не преминула заметить, что «в провинции, между женщинами читающими <...> Тургеневым вовсе не восторгаются». Современный читатель впервые узнает о самом существовании Кохановской из романа «Дым». Уже Н. Н. Страхов, рецензируя роман, обратил внимание на одну хронологическую несообразность: его герои в 1862 году обсуждают литературную новинку, которой в тот момент еще не существует, – упоминаемая Потугиным повесть «Рой-Феодосий Саввич на спокое» появится лишь в 1864 году. Думается, эта хронологическая оплошность не принципиальна (вместо «Роя» можно было назвать, например, «Кирилу Петрова и Настасью Дмитрову»), а важен сам спор о «почве» и ниспровержение недавней «моды» на Кохановскую. Гораздо интереснее другая неточность Тургенева: малороссиянку Кохановскую едва ли можно отнести к изготовителям «тройного экстракта из русского мужика» (К. С. Аксаков, напротив, упрекал ее в полном незнании великорусса и, главное, в отсутствии к нему интереса, а в глазах его брата создателями подобных экстрактов были сам Тургенев и Григорович). В идеализации русской жизни тоже упрекнуть писательницу трудно, потому что рядом с почти райскими картинами у нее есть страницы, рисующие самые черные стороны «старого быта».

Тема «Тургенев и Кохановская» затронута в заметке Л. М. Александровой в орловском «Тургеневском ежегоднике» (2011), где воспроизведены основные отзывы автора «Дыма» об авторе «Роя». Наша задача – рассмотреть именно перекрестье *взаимооценок* и дополнить ряд известных высказываний Тургенева теми, что звучали в его разговорах с друзьями Соханской и были зафиксированы ими. Отзывов Тургенева о писательнице известно немного, и они быстро сдвигались в сторону тотального неприятия, в котором идеологические расхождения переплетались с эстетическими. Весной 1859 года Тургенев, беседуя с Аксаковым о повести «Из провинциальной галереи портретов», нашел, что в ней «слишком много лиризма <...> картины слишком шаржированы <...> краски слишком яркие и густы». Эти черты, так непохожие на стиль самого Тургенева, будут вызывать его раздражение и в дальнейшем. В

парижской беседе с Плетневыми (1864) Тургенев признаёт за Кохановской несомненное дарование, что не мешает ему высмеивать усложненную манеру письма в последней ее повести («elle ne parle pas, elle hurle»).

Суждения Кохановской о Тургеневе остались вне поля исследовательского внимания, между тем их можно обнаружить даже в опубликованных текстах. В докладе будут рассмотрены три эпизода: развернутая оценка повести «Затишье» в письме к Г. П. Данилевскому, отзыв о героях романа «Отцы и дети» в письме к Аксакову и обмен мнениями с тем же корреспондентом о повести «Призраки». Архив Соханской почти полностью утрачен, но несколько любопытных упоминаний о Тургеневе найти все же удалось, и они также будут приведены в докладе. Этот материал позволяет сделать вывод о постоянстве интереса «макаровской затворницы» (так друзья шутливо звали жившую на степном хуторе Макаровка Соханскую) к Тургеневу, дальнейшей же исследовательской задачей может стать поиск возможного скрытого влияния отдельных образов и художественных приемов тургеневской прозы на ее творчество.

ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЭТНОБОТАНИЧЕСКИХ ФИТОНИМОВ (на материале «Записок охотника»)

К. И. Шарафадина

Концептосфера «цветы» – важная составляющая национальной языковой картины мира, отражающая этнокультурные особенности. Так, для русского сознания самым значимым оказывается скромный полевой цветок (по данным частотности стимулов для концепта «цветок» в Русском ассоциативном словаре). Этноботаника как определенный способ видения культуры – «сквозь призму мира растений» – является сегодня актуальным направлением этнолингвистики, исследующим интерпретацию флоры традиционной культурой, а именно народные номинации, в частности диалектные фитонимы.

Уже на уровне номинации (закрепления в языке специфического отбора семантических признаков) проявляется национально-культурное своеобразие. Так, в названиях василька в английском и немецком языках актуализирована локативная или функциональная сема «зерно, жито, пшеница» (Cornflower, Kornblume), а во французском, португальском, испанском василек именуют по цвету (ср. также русские простонародные названия василька: синецветка, синюшка, синявка, синьки, синюха, голубоцветник, голубые цветки). Если для русского ментального образа растений актуален цвет, то английское мировидение почти его не замечает, отдавая предпочтение аромату цветов.

Разнится и символическое содержание наименований одной и той же растительной реалии у разных народов. Так, образ фиалки, традиционный символ скромности в большинстве культур, в немецком языке часто актуализирует отрицательные коннотации, в частности, она символизирует бессердечие (ср.: ein Gemüt wie ein Veilchen haben), а в английском, помимо красоты и скромности, означает легкость и везение. Если девушка «свежа как роза» в русском языке, то в английском она сравнивается с маргариткой: «as fresh as a daisy».

Существует несколько переводческих способов передачи названий реалий, а именно: транскрипция или транслитерация, калькирование, генерализация, описательный перевод, использование функционального аналога. При применении функционального аналога элементы культуры исходного текста заменяются элементами принимающей культуры, порождая бикультурность переведенного текста. При использовании транскрипции или транслитерации, а также калькирования они так или иначе отражаются в переведенном тексте, а при генерализации или описательном переводе, напротив, утрачиваются.

В докладе сравнивается, какие культурные трансформации претерпели в переводах на английский язык этноботанические реалии из рассказа Тургенева «Свидание» из «Записок охотника»: «Что это у тебя, – прибавил он, придвинувшись к ней, – цветы? – Цветы, – уныло отвечала Акулина. – Это я **полевой рябинки** нарвала, – продолжала она, несколько оживившись, – это для телят хорошо. А это вот **череда** – против золотухи. Вот поглядите, какой чудный цветик; такого чудного цветика я еще отродясь не видала. Вот **незабудки**, а вот **маткина-душка**... А вот это я для

вас, – прибавила она, доставая из-под **желтой рябинки** небольшой пучок **голубеньких васильков**, перевязанных тоненькой травкой, – хотите?»

Этнофитоним «полевая / желтая рябинка» в выявленных нами англоязычных переводах чаще всего атрибутирован как пижма и переведен ее номенклатурным названием в англоязычном ботаническом лексиконе – *tansy*. Это название восходит к *tanaceta* – латинизация греческого *athansia* – отрицание Тана-тоса, бессмертие: подобно цветкам бессмертников, сухие соцветия пижмы сохраняют желтый цвет. В южных англо-саксонских графствах времен королевы Елизаветы молодые листья пижмы считали ценной весенней зеленью, их употребляли во время Великого поста для очищения организма. Пудинг и омлеты с пижмой, подаваемые к столу в пасхальные дни, символизировали горечь и скорбь, но в то же время воскресение и весеннее пробуждение природы.

Таким образом, лингвокультурная информация, закрепленная за пижмой в англоязычной традиции, явно имеет иное направление, чем этнофитоним «полевая рябинка». Следуя ботаническому буквализму, эта версия попутно жертвует национально-культурным колоритом исходного текста. Возможно, стоило поискать в английском ботаническом лексиконе среди синонимов лекарственных растений дендронимические уподобления либо применить прием описательного перевода. Наконец, напомним, что пижма имеет в английском ботаническом лексиконе метафорический синоним *buttons*, т. е. «кнопочки». Такая версия перевода выглядела бы более релевантной, будучи хотя бы частично эквивалентной поэтичности этнофитонима «полевая рябинка». В другой версии перевода использован функциональный аналог – *milfoil*, т. е. буквально тысячелистник: он совпадает с пижмой по интернациональной лечебной репутации, сходны их перисторассеченные листья и верхушечные соцветия. Но такая замена также редуцирует этнокультурную специфику исходного фитонима.

Более удачен опыт перевода этнофлоронима «маткина-душка», а именно с использованием приема частичного калькирования, который позволяет сохранить основную лингвокультурную информацию, «материнскую» доминанту фитонима – «*mother-darling*». Но наряду с этой версией в других переводах используется досто-

верная ботанически, но неоправданная эстетическим заданием текста атрибуция флоронима – mint (мята) либо violets (фиалки), так как при этом утрачивается весь ассоциативно-аллюзийный ряд исходного этнофитонима.

Напомним слова испанского философа Ортеги-и-Гассета о трудностях перевода: «Каждый народ умалчивает одно, чтобы суметь сказать другое. Ибо все сказать невозможно. Вот почему переводить так сложно: речь идет о том, чтобы на определенном языке сказать то, что этот язык склонен умалчивать». Они в полной мере могут быть отнесены к проблеме лингвокультурной трансляции в процессе перевода. Закономерные замены необходимы, и в теории перевода они получили определение переводческих трансформаций. Но к культурной трансформации перевода можно прибегать лишь в исключительных случаях, так как в знакомстве с иной культурой заключается социальная функция перевода и современная теория и практика перевода отстаивает максимальное сохранение национально-культурного колорита.

В докладе рассматривается комментаторский курьез рассказа «Свидание», связанный с неучетом своеобразия этноботанических образов растений в разных культурах. Московские исследователи-культурологи Ващенко в непритязательном пучке полевых цветов предложили усмотреть литературную аллюзию на знаменитый иносказательный «букет» шекспировской Офелии. Курьез же заключается в том, что для дешифровки иносказаний «букета» из дикорастущих полевых цветов и трав, собранных русской крестьянкой, комментаторы привлекают концепты викторианского варианта этикетного «языка цветов». Например, однозначно аттестованную Акулиной лекарственную череду они «приравнивают» к календуле (садовому растению), так как череда отсутствует в этой версии цветочного «наречия». Аргументация комментаторов такова: в англоязычном ботаническом лексиконе череда имеет синонимическое название «bur-marigold», т. е. «колючая календула». Далее они на этом основании родственности названий «приписывают» череде этикетное значение календулы, а именно «горе и отчаяние», которое, по их мнению, характеризует чувства Акулины.

Но в англоязычной традиции череда получила и другие (проигнорированные комментаторами) названия, основанные на аналогиях с растениями, родственными по характеристикам: water-

agrimony (букв. «водяной репешок») и water-hemp (букв. «водяная конопля»). По предложенной комментаторами логике более соответствует ситуации описываемого Тургеневым свидания этикетный концепт репейника, а именно «приветствие» и «признание». Впрочем, в любом варианте такая интерпретация выглядит, мягко говоря, натяжкой. Не найдя в английской версии «языка цветов» и пижмы, Ващенко предлагают «лобовое» толкование ее контекстной семантики: замечание Акулины «полевая рябинка <...> хороша для телят» они проецируют на ее избранника. «Телячий» акцент в пояснении героини рассказа, по их мнению, служит индизонказательной характеристикой Виктора, указывая на его «нравственные и умственные способности».

Необходимо помнить, что характерное для традиционной культуры двуплановое отношение к миру растений (как промежуточного между миром «мертвой» природы и миром животных и людей) бережно интерпретировано Тургеневым в контексте ценностного отношения народа к природе. Культурноносность народной ботаники стала для писателя катализатором для создания особой эстетики природно-растительного кода, в которой в целостно-гармоническом равновесии сошлись прагматика и символика. Эта стратегия согласуется с концептуальной доминантой отношения к флоре в русской национальной языковой картине мира, где растения интерпретируются, как утверждают этнолингвисты, в первую очередь как эстетическая категория.

ПИСАРЕВ – КРИТИК ТУРГЕНЕВА

В. И. Щербаков

В статьях Дмитрия Писарева мы находим десятки отсылок к романам, повестям и рассказам Тургенева, из чего можно сделать вывод, что критик знал его творчество досконально. Тургенев также читал статьи Писарева, видя в них «симптом» эпохи, интересовался его мнением о своих произведениях – и это взаимное приращение объяснимо: Тургенев всегда стремился уловить движение и обновление жизни, а в статьях Писарева ключевым является по-

нятие «новый тип», и вся его критическая деятельность прошла в русле изучения и пропаганды этого типа.

Ни один из русских романов не производил на Писарева такого глубокого впечатления, как роман «Отцы и дети» (1862). Базаров явился для него первым и самым ярким воплощением «нового типа» в искусстве – он помог ему понять свое поколение и самого себя, слова и дела Базарова получили развитие в писаревской теории «реализма», а конгениальная трактовка этого образа в статьях критика «Базаров» (1862) и «Реалисты» (1864) способствовала тому, что Базаров стал идеологическим и эстетическим символом «шестидесятых годов».

Непременная заслуга Писарева-критика состоит в том, что он разглядел в Базарове собирательный образ «молодого поколения» в то время, когда другие критики (особенно те, кто входил в круг «Современника») отрицали его типичность. В частности, Н. Г. Чернышевский, М. А. Антонович и М. А. Маркович (Марко Вовчок) были убеждены, что Базаров «не характер, не живая личность, а карикатура <...> и притом карикатура самая злостная»¹, уверяли, что в образе нигилиста высмеян Добролюбов, и даже не признавали художественной ценности «Отцов и детей».

Полемика Антоновича с Писаревым по поводу «Отцов и детей» длилась больше трех лет, продемонстрировав дальновидность Писарева и устойчивость его критической позиции. Герцен, ознакомившись со статьями Писарева в 1867 году, жалел, что прочел его «так поздно»: «Он заставил меня иначе взглянуть на роман Турген<ева> и на Базарова» (из письма к Н. П. Огареву от 8–9 января 1868 г.). Тогда же Герцен написал глубокую статью о Писареве и русском нигилизме – «Еще раз Базаров» (1868). Показательно, что его близкий друг Огарев присоединился к мнению «Современника» в оценке романа, и Герцену пришлось его переубеждать. Словом, в понимании «Отцов и детей» Писарев обогнал даже передовых людей своей эпохи. «Правду сказать, за немногими исключениями, в числе которых был великий критик Писарев, мы не поняли должным образом Базарова», – вспоминал П. А. Кропоткин².

Вместе с тем писаревский Базаров – это во многом домысленный и досочиненный образ, плод «сотворчества» автора и крити-

¹ Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М., 1961. С. 42.

² Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе. М., 2014. С. 100.

ка – Писарев «в Базарове узнал себя и своих и добавил, чего недо- ставало в книге» (Герцен)³.

При жизни Писарева вышел еще один роман Тургенева – «Дым» (1867). Он тоже вызвал много нареканий со стороны критики (преобладали упреки в недостатке патриотизма у автора), и Писарев оказался в числе тех, кто не принял роман. Свое мнение о «Дыме» он высказал в личном письме к Тургеневу (от 18 (30) мая 1867 г.), по просьбе самого писателя. Главная претензия критика состояла в том, что среди множества лиц романа он не нашел в «Дыме» никого, кто бы напоминал ему Базарова, – и это при том, что в романе много говорится о России, а само действие датировано 1862 годом – тем памятным годом, когда вышел роман «Отцы и дети», когда Россия стояла на грани больших потрясений и когда был арестован – за революционную агитацию – сам Писарев. Роман «Дым» его «решительно не удовлетворяет» тем, что писатель, устранив «каланчу» (т. е. проигнорировав значение базаровского типа) и глядя на происходящее в России из-за границы, «глазами Литвинова» (с высоты «рыхлой муравьиной кочки»), потерял ориентир в изображении русской жизни и не уяснил роль радикальных разночинцев в общественном движении шестидесятых годов. «Неужели же Вы думаете, что первый и последний Базаров действительно умер в 1859 году от пореза пальца?» И в этом единственном письме к Тургеневу критик остается верен себе: речь идет о «Дыме», но он больше говорит о Базарове.

Тургенев в ответном письме к Писареву признал, что его Литвинов – «дюжинный честный человек – и все тут» (Писарев увидел в нем вариацию «друга Аркадия») и там же, в обтекаемых выражениях, объяснил Писареву, что его оценка Базарова как значимого общественного типа кажется ему преувеличенной («...а пока он себя не заявил, беседовать о нем или его устами – было бы совершенною прихотью, даже фальшью»).

И хотя писатель и критик в этом случае разошлись друг с другом (и, как выяснилось, смотрели на русскую жизнь с разных точек зрения), истина, проверенная временем, состоит в том, что вершиной творческой эволюции Тургенева стал именно роман «Отцы и дети», и Писарев был первым, кто оценил его по достоинству.

³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Кн. 1. С. 335.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ
«И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования»

М. И. Щербакова

Наследие русских писателей-классиков неизменно подтверждает одну из вечных истин о простоте гениальности. Но насколько постижима эта простота? Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов... Трудно назвать более знакомые имена. И, с другой стороны, до сих пор невозможно считать полными наши знания о художниках, составляющих безусловную гордость мировой культуры.

В 1950-е годы отечественная текстология пережила второе рождение: активная эдиционно-текстологическая работа по подготовке академических и научных изданий собраний сочинений русских писателей дала возможность прояснить творческую историю многих шедевров, ответить на такие кардинальные вопросы, как датировка, атрибуция, локализация, история текста памятника во взаимосвязи его редакций и вариантов. Обилие материалов подсказало идею создания новых типов научных изданий – спутников собраний сочинений.

Отечественное тургеневедение шло в авангарде этого процесса. Первое Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах было подготовлено и выпущено в свет под руководством главного редактора академика М. П. Алексеева в 1960–1968 годах. Изданию сопутствовала пятитомная серия «Тургеневских сборников» (1964–1969). Подзаголовок серии – «Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева» – анонсировал продолжение работы, которая далеко не заканчивалась выходом томов ПССиП. Действительно, в 1977 году в издательстве «Наука» (Ленинградское отделение) вышел фундаментальный коллективный труд «Тургенев и его современники» с новонайденными письмами писателя к французским корреспондентам и материалами, существенно дополнившими творческую историю его творений. Затем последовали столь же авторитетные издания: «И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества» (1982; 1990), «Переписка И. С. Тургенева» в двух томах (1986). На

рубеже XX и XXI веков вышли тома «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева» (1995–2003). И все это в параллель работе над вторым академическим изданием Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 30 томах, начатым в 1978 году. Казалось бы, исследовательский долг перед классиком выполнен. Но остановка не свойственна академической науке. Это блестяще продемонстрировано подготовленными в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН серийными выпусками издания «И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы» (2009, 2011, 2012, 2016) под редакцией Н. П. Генераловой и В. А. Лукиной.

Новые труды подтверждают богатейший научный потенциал текстологии, успешно доказавшей свою самостоятельную роль в системе филологических знаний – как базовой научной отрасли. Именно текстология предоставляет для дальнейших научных изысканий как достоверную историю текста и тщательно реконструированную творческую историю отдельного литературного памятника, так и в целом творческую биографию писателя. Несмотря на глубину предпринятых исследований и впечатляющие результаты, которыми уже располагает тургеневедение, и сегодня не иссякают существенные дополнения, важные находки и подлинные открытия в этой области.

Творческая история материально воплощается в истории текста литературного памятника. Трудami научного коллектива последнего издания ПССиП И. С. Тургенева тексты произведений Тургенева были «проверены по всем доступным источникам (печатным и рукописным)». В статье «От редакции» отмечено: «Как правило, все тексты, опубликованные при жизни самим Тургеневым, печатаются по последнему авторизованному изданию. Произведения, при жизни писателя не опубликованные, печатаются по рукописям, авторитетным копиям, посмертным публикациям и т. п. Из текста принятой для печати редакции, на основании сличения всех первоисточников, устраняются цензурные искажения, переделки, внесенные редакторами без согласования с Тургеневым, опечатки и другие отступления от подлинного авторского текста»¹. Но и через тридцать лет после столь тщательной работы авторитетных текстологов в текст романа «Дворянское гнездо» оказалось возможным внести поправку (Е. М. Грибова. «“Лепиковские” или “лепиновские” часы: К истории одной текстологической ошибки в “Дворянском гнезде”»; III, 243–247).

¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 1. С. 6. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием тома и страницы.

История текста далеко не полностью отражает всю творческую историю произведения. За пределами свода рукописей остается множество других историко-литературных источников, на которые опирается текстология: письма, воспоминания, документальные биографические материалы. Весь этот богатый спектр гармонично представлен в разделах «Новых исследований и материалах»: «Тексты Тургенева» («Предисловие и переводы», «Либретто оперетт», «Рукой Тургенева»), «Из семейного архива», «Письма Тургенева», «Письма к Тургеневу», «Современники о Тургеневе» и др. Тем самым продолжено освоение нового материала, гарантирующего точность новых выводов и доказательное подтверждение уже существующих.

В публикациях, подготовленных Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной, А. Г. Гродецкой, С. А. Ипатовой, Н. Г. Жекулиным, А. Я. Звигильским и П. Уоддингтоном (в переводах Н. П. Генераловой и В. А. Лукиной), Л. Сундквистом, Е. В. Полянской, существенно дополнена переписка И. С. Тургенева с современниками: А. С. Суворинным, П. В. Анненковым, Я. П. Полонским, М. Н. Толстой, А. М. Жемчужниковым, А. А. Трубецкой, В. Аллингамом, А. Больтцем, Ж. Шарпантье, В. Рольстоном, Ж. Валлесом. Эти письма расширяют круг источников для творческой биографии писателя.

Подлинная жемчужина опубликованного в «Новых исследованиях и материалах» эпистолярия – 30 писем В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу 1838–1839 годов (I, 500–585; II, 439–509); тексты подготовлены В. А. Лукиной, обширный комментарий составлен С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной. В письмах матери редкие сведения о раннем периоде становления И. С. Тургенева, о родственном окружении молодого человека, о семейных отношениях, о среде формирования будущего писателя. Тематически близким оказывается атрибутированное Е. М. Грибковой небольшое письмо (или вырезанный из письма абзац) С. Н. Тургенева к сыну Николаю (IV, 810–817). Десять строк автографа, относящегося к периоду обучения братьев Тургеневых в пансионе Вейденгаммера, ювелирно вписаны публикатором в канву истории семьи Тургеневых. Семейная история отражена также в описи имущества И. И. Лутовинова (публикация С. Л. Жидковой) и копии с резолюции Тульского дворянского собрания «по рассмотрению прошения С. Н. Тургенева о внесении жены и детей в 4-ю часть родословной книги Тульской губернии» (публикация Л. Д. Затуловской). К 1861 году относится записка И. С. Тургенева о пожертвованиях в Литфонд, впервые

опубликованная С. А. Ипатовой в дополнение к Летописи жизни и творчества писателя (IV, 410–423). Из таких и подобных им «мелочей» складывается в исследовательской практике целостная, исторически достоверная панорама.

В копилку творческой истории романов, повестей и рассказов Тургенева продолжают поступать новые наблюдения о связи созданных писателем художественных образов с его реальными знаковыми или случаями из жизни. Так, обстоятельный анализ архивных и редких документов и объективный пересмотр утвердившейся в тургеневедении системы доказательств дали основание Н. П. Генераловой и Л. К. Хитрово предложить свой ответ на вопрос, вынесенный в заглавие статьи: «К родословной главного героя романа “Отцы и дети” (Кто дал фамилию Евгению Базарову?)» (III, 329–346). А. В. Успенская обосновала предложенную версию о том, что «в истории дворянского гнезда Кирсановых отразилась история Степановки и ее обитателя – Фета» («Тургенев и Фет: К творческой истории “Отцов и детей”»; I, 182–192). М. Я. Саррина уверенно внесла в список прототипов романа «Дворянское гнездо» имя Ап. Григорьева, «оригинальная личность которого не могла не привлечь Тургенева-художника» (IV, 431–450). По материалам уникального источника сведений о жизни и творчестве Тургенева – Мемориальной библиотеки писателя в Орле – С. Л. Жидкова свежими штрихами расширила творческую историю романа «Новь» (II, 83–94) и повести «Пунин и Бабурин» (III, 143–159). Нельзя не признать при этом, что возможности изучения творческой истории литературного наследия Тургенева далеко не исчерпаны.

Влияние художественных открытий Тургенева на формирование писателей-современников, присутствие тургеневских аллюзий, параллелей, цитат в художественном пространстве других авторов является фактом неоспоримого признания его роли в мировом литературном процессе. Изучая взаимовлияния, связи и преемственность культурно-эстетических традиций, содержательный потенциал реминисценций, нельзя обойтись без средств текстологии, что и подтверждается исследованиями В. А. Кошелева (I, 95–111), А. Г. Гродецкой (III, 204–213), М. Я. Сарриной (III, 165–203), С. В. Добрякова (I, 142–159), А. В. Успенской (I, 182–192), В. А. Лукиной (I, 193–208), Л. А. Балыковой (II, 24–33), О. Б. Кафановой (II, 34–45), М. С. Рыбиной (II, 62–68), С. А. Ипатовой (II, 95–108), П. Уоддингтона (IV, 58–75) и др.

Язык Тургенева, стилистические приемы величайшего художника до сих пор остаются превосходной школой. Справедливы и точны слова канадского исследователя Н. Жекулина: «Исследования, касающиеся отношений Тургенева к языковым, стилистическим, культурным и общественным проблемам, связанным с переводами, и проливающие свет на то, как он конкретно решал отдельные проблемы, возникающие при переводе, несомненно дадут новые знания о Тургеневе-художнике» («Тургенев – переводчик: Вопросы теории и практики»; I, 48–94). В это русло направлены творческие устремления В. А. Доманского (III, 248–263), О. Б. Кафановой (III, 214–230), В. А. Лукиной (III, 289–315; IV, 166–202), Л. А. Балыковой (IV, 219–251).

Как можно судить по вышедшим четырем выпускам издания «И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы», современная исследовательская практика обнаруживает верность академическим традициям, памяти учителей и старших коллег, справедливо полагая в этом залог успешного развития.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Алина Николаевна, н.с. Объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева (Орел)

Алташина Вероника Дмитриевна, д.ф.н., профессор кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета

Ашхмина Елена Николаевна, к.ф.н., преподаватель Орловского областного колледжа культуры и искусств

Басу Атмоджа, аспирант русского языка Калькуттского университета (Индия)

Бишицки Вера, переводчик, автор переводов на немецкий язык произведений Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и др. (Берлин, Германия)

Богрданова Татьяна Николаевна, к.ф.н., докторант философского факультета Университета Восточной Финляндии (Йоэнсуу)

Браунгардт Ганна-Мария, переводчик, автор переводов на немецкий язык произведений Л. Улицкой, С. Алексиевич, М. Горького, Тэффи, И. С. Тургенева и др. (Берлин, Германия)

Буданова Нина Федотовна, д.ф.н., в.н.с. ИРЛИ РАН

Ван Лие, д.ф.н., профессор, Пекинский университет иностранных языков (Китай)

Виноградов Игорь Алексеевич, д.ф.н., г.н.с. ИМЛИ РАН

Волков Иван Олегович, аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета

Генералова Наталья Петровна, д.ф.н., в.н.с. ИРЛИ РАН, заведующая Группой по изданию сочинений И. С. Тургенева и А. А. Фета Отдела новой русской литературы

Головки Вячеслав Михайлович, д.ф.н., профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь)

Гродецкая Анна Глебовна, д.ф.н., в.н.с. ИРЛИ РАН

Денисенко Сергей Викторович, д.ф.н., в.н.с. ИРЛИ РАН

Доманский Валерий Анатольевич, д.пед.н., профессор кафедры русского языка и литературы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина

Жекулин Николай Глебович, д.ф.н., профессор Университета Калгари (Канада)

Жидкова Светлана Леонидовна, с.н.с. Объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева (Орел)

Иванова Тамара Васильевна, д.ф.н., Петрозаводский государственный университет

Ипатова Светлана Алексеевна, н.с. ИРЛИ РАН

Исрапова Фарида Хабибовна, к.ф.н, доцент кафедры русской литературы Дагестанского государственного университета (Махачкала)

Кафанова Ольга Бодовна, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Государственного университета морского и речного флота (Санкт-Петербург)

Козеева Елена Адамовна, музейный работник (Орел)

Кривина Тереза Михайловна, к.ф.н., доцент Орловского государственного университета

Кулишкина Ольга Николаевна, д.ф.н., профессор кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета

Лебедев Юрий Владимирович, д.ф.н., профессор Костромского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ

Ли Силу, аспирантка Хэйлунцзянского университета (Китай)

Лукина Валентина Александровна, к.ф.н., с.н.с. ИРЛИ РАН

Лю Си, преподаватель Пекинского педагогического университета (Китай)

Любомудров Алексей Маркович, д.ф.н., в.н.с. ИРЛИ РАН

Маркуччи Джулия, к.ф.н., Университет Сиены (Италия)

Медынцева Генриетта Львовна, н.с. Государственного литературного музея (Москва)

Миндыбаева Лариса Викторовна, с.н.с. Орловского краеведческого музея

Мосалева Галина Владимировна, д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы Удмуртского государственного университета

Никульцева Виктория Валерьевна, к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Московского финансово-юридического университета

Овчинкина Ирина Вячеславовна, к.ф.н., доцент кафедры теории и практики перевода Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Полубояринова Лариса Николаевна, д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета

Полянская Елена Валерьевна, заведующая отделом «Дом-музей И. С. Тургенева», Государственный музей А. С. Пушкина (Москва)

Ребель Галина Михайловна, д.ф.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

Романова Александра Владимировна, н.с. ИРЛИ РАН

Романова Наталья Ивановна, к.ф.н, с.н.с. ИМЛИ РАН

Самофалова Елена Александровна, к.ф.н, с.н.с. ИМЛИ РАН

Сомов Владимир Александрович, заведующий сектором Научно-исследовательского отдела рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова

Степанова Елена Валерьевна, к.ф.н., доцент Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина, н.с. Музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского (Саратов)

Степина Мария Юрьевна, к.ф.н., м.н.с. ИРЛИ РАН

Тишина Ирина Николаевна, журналист Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына

Фетисенко Ольга Леонидовна, д.ф.н., в.н.с. ИРЛИ РАН

Шарафадина Клара Ивановна, д.ф.н., заместитель директора по научно-методической работе, заведующая кафедрой бизнес-технологий Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна

Щербаков Виктор Игоревич, к.ф.н, с.н.с. ИМЛИ РАН

Щербакова Марина Ивановна, д.ф.н., профессор, заведующая Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН

Научное издание

И. С. ТУРГЕНЕВ
И
РУССКИЙ МИР

Материалы международной
конференции к 200-летию писателя,
29–31 октября 2018 г.

*Дизайн обложки – Г. Шапошникова
Компьютерная вёрстка – А. Симонова*

Подписано в печать 10.10.2018. Формат 60х90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «Georgia». Усл. п. л. 7,7
Тираж 100 экз. Заказ № 1371

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50/5,
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru